

НИКА
ЁРШ

ТЕРНОВЫЕ ИСТОРИИ
АННАБЕЛЬ

Annotation

"ВремяИсходеждуНадеюсьУспеешь" — прочел лорд Раймонд Ирс срочную телеграмму.

Подобных посланий от пышущей здоровьем прижимистой тетушки он еще не получал, а посему решил действовать быстро.

Наняв свободного лекаря, лорд отправился в забытые богами Терновые глубинки.

Раймонд — один из лучших законников Москивы — был готов почти ко всему. Почти — потому что к любви подготовиться невозможно.

- [Аннабель. Терновые истории](#)
 - [Пролог](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [Эпилог](#)
-

Аннабель. Терновые истории

Пролог

— Аннабель, милая, две недели пролетят, и я вернусь. — Оуэн прижал меня к груди, погладил по голове, мазнул губами по виску и обернулся на поезд. — Пора. Еще немного, и опоздаю.

Мне хотелось, чтоб он опоздал.

Глупое желание. Необъяснимый, ничем не подкрепленный страх... У меня ведь нет дара ясновидения, как у тётки Марианны. Но сердце трепещет в неясном предчувствии беды...

— Что-то ты слишком молчаливая, — удивляется Оуэн. — Переживаешь?

Сказать ему? Я пытливо посмотрела в глаза любимого мужчины и... выдавила из себя улыбку. Если бы Оуэну грозила беда в пути, тетка сказала бы. А остальное — глупости. Наверняка, сердце так болит из-за предстоящей разлуки. Две недели не вместе — это много.

— Я люблю тебя, Аннабель, — сказал Оуэн и легко коснулся моих губ. — Отвезу артефакты. Сдам. Получу деньги и вернусь. Тебе как раз сошьют платье.

— Оно почти готово, — припомнила я. — Завтра последняя примерка.

— Ты будешь самой красивой невестой.

— И самой счастливой, — кивнула я.

Поезд запыхтел.

Оуэн дернулся, снова поцеловал меня и запрыгнул в вагон, встав в проходе. Широкие плечи заняли почти все пространство. Сильный. Красивый. Мой.

Я осмотрела его, гордо улыбнулась.

— Две недели, — повторил он, сверкнув черными глазами. — Дождешься?

— Спрашиваешь! — ответила я, отступая.

Поезд тронулся.

— Жди своё счастье из столицы! — прокричал он. — Слышишь?

— Да.

Оуэн исчез из виду.

Я обняла себя за плечи, какое-то время постояла, а затем пошла назад. Малыш Э́нниз открыл мне дверь экипажа, помог забраться внутрь и повторил то, что я уже ни раз слышала:

— Обернуться не успеешь, а он вернется.

В Глубинки приехали быстро, и я сразу хотела отправиться по делам, но... Сердце продолжало ныть, тревожа все сильнее. Не выдержав, свернула к дому тетки Марианны. Зашла, помялась на пороге и услышала ее голос:

— Ты же никогда не просишь гадать тебе.

— Сегодня попрошу, — сказала, решительно преодолев небольшой холл. Вошла в ее рабочую комнату. Здесь пахло табаком и надеждой. Тетя сидела на кресле качалке и вязала очередную кружевную салфетку. На пятиугольном столике перед ней лежали мотки ниток разных цветов и схемы новых плетений. Из распахнутого настежь окна лился яркий свет. Я улыбнулась.

Вот только стоило посмотреть в глаза тети, как волнение вернулось.

— С ним все будет хорошо? — спросила у Марианны, имея в виду О́уэна.

— Да, — ответила она.

— Но?

— Ты хочешь услышать мое слово? — Марианна остановила кресло, отложила вязание и протянула мне сухощавую ладонь с узловатыми пальцами.

Поколебавшись, я шагнула вперед. Наши руки встретились. Тетя Марианна закрыла глаза и, глубоко вздохнув, покачала головой:

— Так и думала, — проговорила она загадочно.

Следом на комнату обрушилась тишина. Под тонкими синеватыми веками тетки заполошно двигались зрачки, ее дыхание участилось, старые пальцы с силой впились в мою ладонь. Я зажмурилась. Не любила предсказания с детства. С тех пор, как моей маме напророчили удачную поездку в столицу. Все действительно вышло хорошо. Только на обратном пути они с папой и старшей сестрой попали в аварию...

— Аннабель... — прохрипела тетя Марианна, открывая глаза.

Я вздрогнула, посмотрела на нее и... замерла, понимая — не нужно было гадать.

— Этот год не принесет тебе желаемого, — подтвердила мои страхи тетка. — Но ты все равно должна ждать поезда. Потому что предсказание Оуэна сбудется.

Спустя год

— Нам нужен магобиль. Или хотя бы экипаж, — задумчиво глядя на щуплого лекаря, сказал я. — И кто-то должен помочь с багажом.

Невысокий молодой мужчина в толстых очках и широкополой шляпе огляделся, при этом морщась и шевеля отталкивающими на вид тонкими усиками. Как до этого я, он не увидел желающих прийти на помощь. Тогда, просчитав что-то в уме, лекарь с тоской посмотрел на большой мой чемодан и покачал головой, сообщая:

— Эти руки надо беречь. Мне ими еще жизни спасать, милорд! — Перед моими глазами покрутили небольшой пятерней, затянутой в черную перчатку. — Я не могу поднимать тяжести. Это преступление против всех нуждающихся.

Голос у мистера Чаоморро — так мне представили «лучшего из свободных специалистов» — был скрипучим и напоминал плохо смазанные дверные петли. Его движения казались нервными и беспорядочными. Лекарь явно был раздражен. Впрочем, я мог его понять. Эта поездка уже отняла значительно больше сил и времени, чем предполагалось изначально. Когда тетушка уезжала «на полный пансион в шикарное место», я и подумать не мог, что добираться к ней придется два дня, сменив три вида транспорта.

Потому ругаться или спорить с лекарем я не собирался. Мистер Чаоморро действительно был нанят для лечения неожиданно заболевшей тетушки, а не для ношения багажа. Кто же знал, что на перроне в Бурсурканах нас не встретит ни один зазывала, готовый за копейки доставить груз и людей до пункта назначения?

Вздыхнув, я подхватил чемодан в свободную руку и отправился следом за немногочисленными пассажирами, покинувшими поезд. Лекарь семенил рядом, и за короткую дорогу до площади у вокзала успел трижды споткнуться, едва не упав.

Не получи я великолепные рекомендации на этого человека, наверняка усомнился бы в том, что Чаоморро вообще на что-то способен. Но три разных источника назвали лекаря лучшим в своем

деле. А нелепые вид, голос и поведение мистера можно потерпеть ради дела.

Оказавшись на площади, я поставил чемодан и осмотрелся. Зрелище вышло удручающим. Городишко вызывал изжогу и желание срочно вернуться в поезд, пока тот не укатил. Однако покинуть этот «самый благосклонный к магам» край без впавшей в отчаяние тетушки было бы кощунством.

Я припомнил, как уговаривал неожиданно сорвавшуюся в путь леди Василианну остаться в столице. Но та получила рекомендации от подруги, «уже словно сбросившей груз последних лет» и неожиданно развела бурную деятельность, собираясь в путь.

— Только там мне станет лучше! — заявила леди Василианна Торш всем родным.

— А вам было плохо? — удивился тогда я.

— Смотря с чем сравнивать, — загадочно ответила тетка, и была такова.

Больше двух недель она отдыхала в далеком краю, иногда посылая скупые приветы через допотопное средство связи со старинного телеграфа. И вдруг, три дня назад, слуга доставил пугающее послание: «ВремяИсходеЖдуНадеюсьУспеешь».

Родители как раз накануне отбыли в давно запланированный отпуск, а дочь тетушки вернулась к учебе в университет, так что честь «успеть» выпала именно на мою долю. Пришлось перенести встречи, отложить дела и поручить личному помощнику за любые деньги достать лучшего свободного лекаря. Так же по моему поручению были куплены билеты до Бурсуркана. Сначала на один поезд, затем на дилижанс и снова на поезд.

Время безжалостно поджимало. С мистером Чаоморро помощник свел меня уже на перроне. Его рекомендовали, как лучшего специалиста, — скороговоркой представлял нас Джим — мой помощник. — Едва уговорил мистера на контракт в десять дней.

— Значит, вы понимаете, что ехать нужно далеко? — на всякий случай уточнил я у низенького, не по погоде тепло одетого мужчины в очках.

— Очень далеко? — проскрипел он, глянув маленькими глазками из-за толстых очков.

— Очень, — признался я.

— Хорошо, — кивнул он, придерживав на голове широкополую шляпу. — Едем немедленно! Ради спасения несчастной.'

И вот приехали. Вокзал напоминал миниатюрный оазис наоборот. Островок, на котором пристроилась железно-дорожная станция, включал в себя маленькую площадь, от которой в три стороны уходили дороги. В лес.

По этим дорогам, как тараканы, как раз расползались немногочисленные пассажиры, прибывшие с нами.

— Куда надо ехать господам? — спросил высокий крепкий детина. Он подошел к нам вразвалочку, сунув большие пальцы за потертый кожаный пояс. На вид этот тип скорее напоминал бандита, чем доброго человека, что способен довезти пассажиров до места.

Однако выбирать не приходилось. Всего один свободный экипаж намекал, что проявив недоверие к людям, дальше я отправлюсь с тщедушным лекарем пешком. С тяжелым чемоданом в руках. Мой спутник ехал налегке — лишь с одним саквояжем.

Вынув из внутреннего кармана пиджака последнюю телеграмму тетки, я прочел вслух название городка:

— Терновые глубинки.

— Вам туда? — В глазах детины скользнуло подобие удивления.

— Да, — с уверенностью, которой не испытывал, ответил я.

Громила перевел взгляд чуть в сторону и заломил бровь.

Я обернулся. Рядом, почти впритык, стоял лекарь Чаоморро и с неприкрытым ужасом смотрел на кучера. Ростом лекарь был ниже меня почти на голову. За толстыми очками виднелись мелкие зеленые глазки. Но не это так впечатлило нас с незнакомцем-здоровяком. Удивила другая деталь во внешности моего спутника: одна сторона его неприглядных тонких усиков отошла от лица и теперь уныло болталась над полной верхней губой.

— Что? — проскрипел Чаоморро.

— У вас того, — сказал громила, проведя по своей густой щетине, — усы отошли.

— Куда? — не понял лекарь.

— Вниз и вправо, — не растерялся громила.

Чаоморро — и без того бледный, как мертвец, стал отдавать в зелень. Его рука метнулась к усикам и... приклеила их обратно. Затем, бросив ошалелый взгляд на меня, лекарь уточнил:

— Теперь как?

Не придумав ничего лучше, я кивнул. Сказать «хорошо» язык не повернулся.

— Ну, садитесь, довезу вас, — вмешался громила. — Возьму недорого. Мне самому в ту сторону. А вы, небось, к знающей едете?

Я нахмурился:

— В Глубинках живет знающая?

— Еще какая! — с нотками восхищения отозвался громила.

— Ясно. Поехали.

Я указал кучеру на чемодан и отправился в экипаж. Теперь в моей голове сложились недостающие части картины, обрисованной тетужкой. Она всегда была падкой на глупости, связанные со старинными поверьями и древней магией, практически покинувшей наши места. И, если кто-то шепнул леди Василианне, что в этих глухих «глубинках» живет бабка, способная исцелять наложением рук и заговорами, (в народе называемая знающей), то родственница не могла остаться в стороне.

Как видно, тетка нашла шарлатанку, а та поставила бедняжке диагноз, чтобы получить деньги на мнимое лечение.

В моей груди шевельнулась злость, а по крови разлился привычный азарт. В голове начали всплывать статьи, пригодные для этого дела, чтобы засудить мерзавку, решившую нажиться на графине Торш! О, я пушу эту «знающую» по миру раньше, чем в столице опадут первые листья! Отправлю еще дальше, чем можно представить в этих богом забытых глубинках.

Мне оставалось лишь добраться до шарлатанки, а уж там!..

Аннабель

— Варя, не крутись! — приказала я козе. — Осталось немного.

Бедняга тяжело вздохнула и покорно замерла. Я вытащила частицы репея из густой золотисто-коричневой шерсти и, прочитав заговор, провела ладонью по покатоному боку. Шерсть засияла, как новенькая. Варя обернулась и удовлетворенно проблеяла что-то на своем.

— Готово, — устало сказала я, — свободна. Но если снова...

Говорить было уже не с кем: Варя унеслась объедать малину с кустов. Я проводила ее долгим задумчивым взглядом и приказала себе прекратить представлять, какое аппетитное жаркое может выйти из этой скотины. Трижды за эту неделю она проваливалась в овраг, дважды покусала беднягу Пита, привозившего записки от горожан. А сегодня намертво застряла в зарослях репея...

— «Особая молочная порода», — проворчала я, приставляя руку козырьком над глазами и глядя на «кормилицу». Эту мисс Невезение подарила мне одна из приезжих леди. Я подлечила ее от хронических болезней. В отместку, не иначе, та выписала для меня сюрприз откуда-то с северных мест и оплатила доставку до Топей.

Малыш Энниз, привезший «подарок» к моему дому, был восхищен до глубины души.

— Эта порода дорогушая, Аннабель, — сказал он. — Их молоко возвращает силы и лечит много всяких болезней живота. А одежда из шерсти согревает даже в самые сильные морозы. Видимо, ты очень помогла той леди.

Пока Энниз говорил, Варя укусила его за руку.

А дальше... всем в городке быстро стало очевидно, что у меня поселился ужас, посланный для проверки на прочность любви к животным. В этом были и плюсы — перестали приходить завсегдатаи, вечно находившие в себе болячки, которых у них не было. Но минусов оказалось больше. Вот сегодня в минус уходила малина...

Я вздохнула и вернулась в дом.

Подхватив сумку, перекинула ремень через плечо, надела шляпку и вывезла из сени велосипед. Заткнув подол длинной юбки за пояс, села и принялась крутить педали.

— Веди себя хорошо! — крикнула Варя. — я скоро вернусь. И оставь мне малины.

Коза обернулась и оскалилась.

«Не оставит», — поняла я.

От моего домика дорога вела до горбатого моста, а дальше раздваивалась. Можно было свернуть в город, а можно растянуть удовольствие, и прокатиться в сторону леса, чтобы проведать мистера Ойза Бугара. Его подагра вызывала опасения, и, если старик снова решит геройствовать, придется несладко.

Придумать, как быть, я не успела — помешало препятствие на мосту.

Экипаж малыша Эннуса стоял, накренившись. Две лошади гуляли на вольном выпасе. Самого парня видно не было. За то у моста сидели двое незнакомцев. Первый — тот что ближе, выглядел очень болезненно. Слишком миниатюрный, бледный, худой в толстых очках, шляпе и плотном дорожном костюме. Вид у него был несчастный и... очень несуразный. Что-то с этим человеком было не так. Однако долго рассматривать его в упор я не стала. Отвела взгляд и... замерла на несколько секунд.

Второй мужчина, не в пример первому, выглядел очень привлекательно: русоволосый, голубоглазый, с правильными чертами лица и короткой бородкой... На таком хотелось задержать внимание дольше. Приблизиться, поговорить. Спросить, как у старого знакомого, где он пропадал так долго? Признаться, что скучала. Да, определенно мне хотелось бы услышать его голос. Какой он? Что скажет?

Наши взгляды встретились, и мне показалось, что в его скользнули те же странные эмоции, что ощущала я сама. Нечто не поддающееся логике и объяснениям. Нечто...

— У вас что-то с юбкой, — проскрипел первый мужчина.

Я вздохнула, второй мужчина моргнул, мотнул головой, и наваждение спало. Осталось только ощущение собственной глупости. Резко одернув подол юбки, заткнутый за пояс, я наконец поздоровалась:

— Добрый день, господа. Вижу, у вас происшествие.

— Лошадь что-то напугало на мосту, — заскрипел щуплый мужчина. — Она понесла и экипаж... вот! Мы едва не погибли!

— Вы преувеличиваете, — поправил попутчика симпатичный мужчина. — Но ситуация вышла действительно неприятной. Вам не стоит задерживаться, мисс. Хозяин экипажа распряг лошадей и отправился за помощью. Скоро все наладится.

Голос у него был приятный: низкий, обволакивающий, хорошо поставленный. Словно ему приходилось много и долго говорить по работе, убеждая в чем-то людей.

— Никто не пострадал? — все же уточнила я.

— Сейчас у нас шок, — проскрипел щуплый мужчина. — Даже если мы что-то повредили, боль может прийти позже.

Я удивленно вскинула брови.

— Мистер Чаоморро — известный лекарь, — пояснил симпатичный мужчина. — Его мнение — это мнение эксперта.

Эксперт в это время вздохнул, словно всхлипнул и опустил голову так, что его лица совсем не стало видно из-за шляпы. Я пожала плечами. не желая навязываться тем, кто ни в чем не нуждался, и собиралась уже вернуться к велосипеду, когда меня позвали по имени.

Малыш Энниз вернулся из города. Идя по дороге со своим отцом, он радостно махнул рукой. Я кивнула ему и перевела взгляд на мистера Ойза Бугара. Тот сразу принялся оправдываться:

— Знаю, сейчас начнешь говорить. что мне нужно лежать. Но сил же нет никаких, Анни. Прогулялся в город. Купил кое-чего и хотел быстро вернуться. А тут встретил Энниза. Сейчас быстро экипаж поднимем, и...

Я покачала головой:

— Вы возвращаетесь в постель, мистер Бугар! Или больше я к вам ни ногой.

Два здоровяка, отец и сын, переглянулись и понуро опустили плечи.

— Подождите, так что с экипажем? — снова заговорил симпатичный мужчина.

— Милорд Ирс, все будет в лучшем виде, — ответил Энниз, глянув на меня, — сейчас я только в город схожу, найду кого-то покрепче, и мы...

— Так вы уже сходили и нашли, — перебил его этот милорд. — Что не так?

— Мистер Бугар нездоров, — вмешалась я. — Ему нельзя поднимать тяжести. Так что. придется вам еще подождать.

— Он не выглядит больным, — зло сверкнув глазами, сказал тот, кого назвали Ирсом. А со следующей фразой этот гад окончательно перестал мне нравиться: — С чего вы вообще слушаете эту девушку. Давайте быстро сделаем дело и разойдемся все по своим постелям.

— Мисс Аннабель? — грустно спросил мистер Бугар.

— Нет! — рявкнула я. А затем холодно добавила, посмотрев на заезжего аристократа и его странного спутника-лекаря: — Но здесь ведь все — сильные мужчины. Так что вы и втроем справитесь. Так ведь?

Лекарь что-то пропищал и схватился за сердце, как бы давая понять, что он не считается.

А вот милорд расправил плечи, резко сдернул с себя сюртук и заявил:

— Прекрасно! Наконец дельное предложение. Раз здесь только двое настоящих ЗДОРОВЫХ мужчин, то мы, разумеется, справимся сами!

— Карета тяжелая, — осторожно заметил малыш Энниз. — Вы точно того? Сможете?

Зря он это сказал. Губы милорда вытянулись в тонкую надменную нить, глаза блеснули желанием поставить всех на место, а пальцы принялись проворно закатывать рукава кипельно белой рубашки.

— Вперед! — скомандовал он, и, бросив презрительный взгляд на меня. потом на лекаря и, чуть задержавшись на мистере Ойзе, гордо пошел на мост.

Я усмехнулась и привалилась плечом к березке.

— Ой, что будет, — прошептал мистер Ойз, так чтобы я слышала. — Остановила бы ты этого «принца», Анни. Потянет себе что-то...

— Это ничего, — ответила я с улыбкой. — С ним приехал очень важный специалист-эксперт из столицы. Вместе они, должно быть, и горы свернут.

— Не жалко тебе совсем мужика, — покачал головой мистер Ойз.

Я промолчала. Потому что на самом деле уже жалела о том, что спровоцировала этого гордеца на глупость. Только менять что-то было поздно.

— Раз-два, взяли! — прохрипел он, и все затрещало.

И мост, и карета, и самомнение бедняги-лорда, лицо которого от натуги покраснело до неузнаваемости.

Раймонд

Не знаю, что на меня нашло.

Уже много лет я не поднимал ничего тяжелее портфеля с документами. Для физических нагрузок были помощник и прислуга. И меня абсолютно устраивал такой порядок вещей.

Пока девица, взявшаяся из ниоткуда на своем нелепом желтом велосипеде, не задела мое самолюбие намеком об отсутствие во мне силы! И как она при этом смотрела?! В больших карих глазах плескалась насмешка. От злости во мне закипела кровь, а в голову ударила абсолютно шальная мысль: доказать девице, что она не права. Хотя доля истины в ее словах была. Или не доля, а цельная часть?..

Теперь, когда поясница, казалось, превратилась в отдельную часть спины, и собиралась отвалиться одним цельным очень болючим куском, я пожалел о внезапных необоснованных амбициях. Только было поздно.

— А вы молодец! — похвалил меня бугай, бодро выпрямляясь. — Так и не скажешь, что в вас есть задор. А на тебе!

Я залихватски усмехнулся.

При этом продолжая сгибаться, но сделав вид, будто облокотился на карету.

По пояснице, которая горела огнем от боли, катился пот. Я чувствовал. И боялся дышать глубоко, что уж говорить про резкие движения?

— Сейчас лошадок приведу. Скоро поедем, — продолжал бугай.

— Я помогу тебе. — Второй мужчина, лет пятидесяти на вид, развернулся и первым пошел к лошадям.

Привезенный мной лекарь продолжал сидеть на земле, опустив голову. То ли уснул, то ли глубоко задумался. А девица, которую называли мисс Аннабель, стояла у дерева и не сводила с меня взгляда. И чего, спрашивается, ждала?

— Вам никуда не надо? — не выдержал я. — Вы вроде ехали по своим делам.

— Я ехала к мистеру Бугару, — ответила она. — Так что теперь дождусь его и продолжу путь.

— Ясно, — процедил я сквозь зубы. И попробовал аккуратно выпрямиться.

В спину стрельнуло, по позвоночнику разлилась боль. В обе стороны сразу. Особенно досталось той части, на которой я обычно сидел и не знал бед.

— Вы побледнели, — заметила девица со своего места. — Что-то не так?

Я не ответил. Пришлось сцепить зубы, чтобы не выругаться из-за боли.

Никогда раньше меня так не скручивало, как сегодня. И ведь сам виноват! Что за глупость мной овладела? Поднимать вдвоем такую тяжесть! Пусть и с одного краю... Я ведь законник, а не насильщик, в конце концов.

— И все же, вам нужна помощь, — неожиданно сказала мисс Анабель, двинувшись ко мне.

Я нахмурился. Выпрямился, насколько смог и прохрипел:

— У меня все в порядке.

— Не думаю. — Мисс Аннабель встала рядом со мной.

Ростом она оказалась на полголовы ниже меня. Кожа девушки сияла здоровым загаром, а в карих глазах, обрамленных густыми черными ресницами, было нечто сродни беспокойству.

— Позвольте, — сказала она. Обошла меня. замерла сзади и положила руки мне на спину.

Я собирался спросить, что она делает. А еще дернулся, чтобы лично увидеть ответ на свой вопрос. И тут же зашипел от прострела в пояснице.

— Стойте уже! — командным голосом заявила мисс Аннабель. — Хватит пока геройствовать.

Пока она говорила, по моей спине от ее рук потянулось приятное тепло. А еще начала проходить боль. Медленно, но ощутимо. Дальше мисс Аннабель стала приговаривать какую-то несуразицу. Сначала мне даже показалось, что она читает стихи. А потом до меня дошло: девица шептала заговоры!

— Это вы! — прозрел я, обернувшись.

На этот раз в спине лишь слегка отдало неприятными ощущениями. Руки девушки безвольно упали. А я, подобравшись, вперился в нее изучающим взглядом.

— Так вот вы какая, знающая!

— Какая? — устало спросила она.

«Красивая», — пронеслось у меня в голове.

— Шарлатанка, — проговорил я вслух. — Думаете, если в этом захолустье верят в ваши фокусы, то и с образованными людьми из большого мира подобное сойдет с рук?

Она заломила бровь. И все. Не стала нападать, оправдываться и вообще возражать. Стояла и смотрела с усталым интересом. Отчего я даже ощутил неловкость, от которой избавился, призвав логику.

— Скажите, мисс... как вас можно назвать?

— Разве вы не выбрали для меня имя Шарлатанка? — усмехнулась она.

— Пусть так, — кивнул я. — А теперь ответьте, вы знакомы с миледи Василианной Торш?

— Да, — ответила девица. ни капли не смутившись.

— Я так изнал. И вы, конечно, общались с моей тетушкой по поводу ее здоровья?

— Ах, ваша тетушка? Было дело.

— И сказали, что она больна! — припечатал я. — Что ее время на исходе. Так?

Девица призадумалась, покачала головой:

— Этого не было. Хотя, припоминаю, что в последнюю встречу мы действительно говорили о времени, вечности и бренности бытия. И тогда ваша тетушка сетовала об отпущенном сроке для каждого, мол, он всегда слишком мал. А я сказала, что жизнь конечна, и с этим ничего не поделать. Остается радоваться каждому отпущенному нам дню. Не понимаю, каким образом. это касается вас?

Я покачал головой и вынул из кармана телеграмму.

— Прощу, — сказал, протянув ее девице. — Что скажете теперь?

— Скажу, что здесь мало слов и совсем нет предлогов, — пожала плечами мисс Аннабель. — Но, раз уж вы приехали, думаю, леди ВАСилианна разъяснит, что именно имела ввиду в этом послании. А теперь мне пора. Да, и еще... Не напрягайте спину следующую пару

дней. Может быть рецидив, и боль усилится. С другой стороны, зачем вам слушать какую-то шарлатанку, когда у вас свой специалист, так?

Она сверкнула карими глазами и, задрав подбородок, отправилась к мистеру Бугару. Оказывается, он и его сын уже ждали у моста.

Я же посмотрел на лекаря Чаоморро. Тот как раз поднялся, как ни в чем ни бывало, и, отряхнув тощий зад, пошел к карете. «Может быть, это и есть его методика лечения? — подумал я. — Он просто выжидает, пока пациенты поправятся сами. Или не поправятся»...

А тем временем моя спина совсем перестала болеть.

Но списывать это на чудодейственное действие рук мнимой знающей я не собирался. Объяснение нашлось быстро: видимо, пока я выпрямлялся, поставил какую-то косточку на место. И все прошло. А она выдала мой успех за свой. Или использовала какой-то сильный согревающий артефакт? А может и правда знает пару заклинаний и обладает толикой магии, чтобы лечить сорванные спины? Тогда ясно, для чего она меня спровоцировала. Чтобы потом эффектно снять боль и взять втридорога!

В общем, со мной ее номер не прошел. И желание разоблачить шарлатанку только возросло в разы.

Однако, дорога в город и встреча с любимой «болезной» тетушкой все же остудила мой пыл. Во-первых, поразило «захолустье». Терновые глубинки раскинулись прямо среди леса и гор. Этот городок оказался весьма милым, даже уютным. Небольшие двух и трехэтажные здания тянущиеся вдоль дороги выглядели ухоженно, люди по улицам ступали неспешно и смотрелись вполне пристойно, больше того — нашему экипажу встретились минимум два магобиля. Значит, жители здесь вовсе не были настолько оторваны от цивилизации, как я думал изначально.

Что же касается тетушки: леди Василианна Торш обнаружилась в одном из частных секторов на окраине городка. Снятый ею двухэтажный домик был выкрашен в веселый сиреневый цвет и имел весьма свежий, приятный вид. Как, впрочем, и сама «болезная».

— Дорогой мой! — радостно сказала она, выйдя мне навстречу. — Ты приехал погостить! Как это мило с твоей стороны! Такая забота о родне дорогого стоит! Как же ты выбрался и бросил все свои важные дела?

Я замер, осмысливая услышанное. От нехорошего предчувствия защекотало под ложечкой. Так бывало во время судебных разбирательств. Иной раз думаешь, что предусмотрел все варианты и готов ко всему, и тут оппонент вынимает козырь из рукава, полностью меняя мою позицию со стоячей на полу-согнутую...

— Дорогая тетушка, — опасливо начал я, — ты прислала домой телеграмму.

— Да-да, — кивнула леди Василина, продолжая радушно улыбаться.

Я протянул ей уже изрядно смявшийся лист, на котором был запечатлен крик о помощи.

— Моя телеграмма, — обрадовалась тетушка. — Даже помню, как ее отправляла. В тот день на улице похолодало, так что я даже подумала, что стоило накинуть шаль перед выходом. Но ничего,

освежилась. Вернулась домой и попросила Молли — это моя горничная здесь — сделать малиновый чай.

— Чай? — переспросил я, прищурившись.

— Малиновый, — подтвердила ни капли не смутившись тетушка. — А кто это с тобой, дорогой мой?

Со мной? Я обернулся и вспомнил о лекаре.

У несчастного снова отклеился ус.

— Это мистер Чаоморро, — представил я своего спутника. — Он прибыл лечить тебя.

— Миледи, добрый день, — проскрипел лекарь. — Где я могу умыться после долгого пути?

— Ну, конечно, вы же устали! — опомнилась тетушка. — Сейчас Молли все организует. Пойдемте в дом. Дорогой племянник, из гостевых спален открывается совершенно чудесный вид на лес. Ты будешь в восторге.

— Не думаю, что мне нужна спальня, — догнав любимую родственницу у двери, сказал я. — Если у тебя все в порядке, мы с мистером Чаоморро вернемся в столицу.

— Через неделю — обязательно, — согласилась тетушка. — А до этого поезда нет. Ты только не волнуйся, дорогой. За то на следующей неделе будет сразу два!

— Этого не может быть, — пробормотал я. — Мы не могли застрянуть здесь на семь дней.

— Почти восемь, — подсказала леди Василианна. — Но, уверяю, вам понравится. И тебе. и тому странному человеку с отклеивающимися усиками. Зачем ему это, дорогой?

Тетушка стрельнула глазами в сторону Чаоморро, о чем-то беседующего со здоровяком Эннизом, привезшим нас на экипаже.

— Думаю, у него комплексы, — пожал я плечами. — Ростом мужчина не вышел, комплекцией тоже. Голос... сама слышала. И очки эти... Для солидности клеит усы. Зачем же еще? Хотя, по мне, они портят его еще больше.

— Соглашусь с тобой дорогой, — кивнула тетушка. — Но, должно быть, этот человек — замечательный специалист.

— Лучший, — кивнул я. И, опомнившись, уточнил: — К слову, о специалистах! Я встретил местную знающую. Ты в курсе, что здесь есть таковая?

— Конечно, — кивнула леди Василианна. — Анни — прекрасная девушка. Она иногда забегает ко мне узнать, как здоровье.

— И, наверняка, дает какие-то рекомендации? — подбодрил тетушку я. — Или лекарства собственного приготовления?

— К сожалению, лекарств не дает, — посетовала леди Василианна. — Анни еще в первое наше знакомство сказала мне, что во мне жизни больше, чем во многих молодых. А из всех рекомендаций дала лишь одну — больше гулять на свежем воздухе. И, ты знаешь, я последовала совету, так что теперь действительно чувствую себя еще лучше прежнего!

— Но зачем тогда была телеграмма такого содержания? — снова разозлился я, показав на злосчастный лист в руках тетушки.

— Я приглашала тебя приехать, — спокойно ответила она, — и очень надеялась, что ты успеешь на ближайший поезд. Следующий ведь только через неделю, дорогой. А я скучала.

— Можно было написать понятней, — сказал я устало.

— И доплатить по центу за каждое слово? — поразила леди Василианна. — Здесь и так все очевидно. Основной замысел я вложила и переплачивать не собираюсь. А теперь, когда мы все выяснили, пойду велю Молли устроить вас с лекарем, как дорогих гостей. Бери чемодан и пойдем. Кстати, он ушел.

— Чемодан? — не понял я.

— Мой лекарь из столицы. Ушел куда-то с Эннизом, — пояснила тетушка задумчиво.

— Вернется, — отмахнулся я и прикрыл глаза ладонью.

Я попал в ловушку эксцентричной тетушки, просто пожелавшей видеть меня в гостях. И нагрубил девушке из-за собственных домыслов. Конечно, настоящей знающей эта Аннабель быть не могла, ведь такие маги считались огромной редкостью и жили в шикарных условиях. Кроме того, насколько я помнил, подобный дар развивался медленно, достигая пика лишь в очень зрелом возрасте. Годам к тридцати пяти минимум, а в идеале после сорока пяти. Девушке Аннабель на вид было около двадцати с небольшим, а она уже излечила его простым наложением рук и заговором. Бред! Шарлатанство любого рода должно пресекаться на корню, и, разумеется, я был прав, когда дал ей понять, что не стану очередной жертвой. Пусть держится подальше от меня, тем более, что я застрял

здесь на неделю! Бросил все дела, сорвал с места лучшего лекаря, примчался в забытый всеми городок и должен прозябать в нем следующие восемь дней.

Злость и бессилие накрыли с головой и требовали назвать имя виновного, чтобы собрать доказательную базу, довести дело до суда, выиграть процесс и как следует...

— Дорогой, я заварю тебе свой успокаивающий чай, — пообещала тетушка, явно понимая мое настроение и перебивая нехорошие мысли. — И велю накрыть стол в гостиной. Там шикарный камин. Помнишь, как ты любил проводить время рядом с живым огнем в вашем старом поместье? Треск поленьев, уютное тепло...

Я помнил. Как и вечную занятость родителей. За то тетушка Василианна всегда была рядом: гуляла со мной и моей младшей сестрой, читала нам книги у того самого камина, мазала мне разбитые коленки зеленкой и рассказывала о невероятных магах, что могли бы убрать болячку одним наложением руки. Потому что они знают древние секреты и заговоры, и их дар передавался из поколения в поколение, становясь все более ценным и редким...

— Согласен на чай и камин, — сдался я, посмотрев на тетушку. И беспокойство исчезло из ее голубых глаз.

Аннабель

Дом скрипел, напоминая стонущего от хронических болячек старика.

Проснувшись сегодня утром, я лежала в постели и долго слушала его «жалобы», с отчаянием признавая то, о чем столько говорили мне другие. Родовое гнездо Тёрнов умирает.

Я слышала дом, но не понимала, чем могу помочь.

Так вышло, что мама и отец погибли в аварии, и дар знающих проснулся в нас с сестрами. Сильнее всего он должен был проявиться в старшей — Ирэне, но она очень пострадала — сидела на заднем сидении магобилия, когда в родителей врезались. В итоге дар избрал следующей «главой» меня. Это было сложное время. Узнать в пятнадцать лет, что папы и мамы не стало — страшно. А уж понимание того, кто именно заменит их в Глубинках, совсем меня добило. Ведь старшие рода не могут покидать «гнездо» надолго, иначе оно умирало. Энергия дома подпитывала силу Тёрнов только если один из нас оставался с ним навсегда. Такова была цена силы.

И не только у знающих.

В наших местах было много родовитых семей с древней магией в крови. Видящие, артефакторы, звездочеты, кузнецы... Только гонения, устроенные на одаренных много лет назад, сильно проредили наши ряды. Молодежь стремилась в большие города, ближе к столице и хорошим заработкам. А многие старики, оставшиеся в Глубинках, доживали свой век, понимая — дар уйдет вместе с ними. Ведь дом умирает без хозяина.

В моем доме хозяйка была. Но...

Я не могла дать родовому гнезду надежды на хороший исход. Потому что больше не верила в любовь. И не верила мужчинам. Оуэн Сиал — мой жених — уехал из Глубинок год назад. Он — второй сын лучшего в городке одаренного артефактора — повез на продажу несколько важных заказов. И не вернулся.

Отписался через месяц.

Его письмо было очень коротким. «Прости меня, Аннабель. Я люблю тебя, но не хочу становиться частью твоего дома. Это слишком большая жертва. Если ты приедешь, то увидишь, какая здесь Жизнь! Дар — это еще не все, Аннабель. Я подарю тебе весь мир и обещаю сделать счастливой. Только выбери меня».

Он не хотел жертвовать своими интересами, но предлагал принести жертву мне. Отказаться от древнего дара, передающегося из поколения в поколение уже много веков. Лишить дара моих сестер. Ради любви.

Сначала я очень на него злилась. Потом... рассматривала вариант действительно сбежать и много плакала. А следом дом начал стареть.

Буквально за пару месяцев краска на нем облупилась, полы стали невыносимо скрипеть, прохудились и загудели трубы, начала протекать крыша... И я осталась, запретив себе верить в любовь. Потом уехала Ирэна. Ее пригласила наша дальняя родственница по отцу. Сестре предложили поработать в качестве компаньонки. К тому моменту оставшиеся от родителей деньги были израсходованы на обучение Тианы — нашей младшенькой, как раз учившейся в лицее для благородных девиц...

После отъезда всегда позитивно настроенной Ирэны, мне показалось, будто и я сама постарела. Как наш дом. Будто мне больше не двадцать два года, а минимум сотня.

Я ходила, ела, пила, помогала людям и животным, но словно бы таяла. Угасала. Тетка Марианна — двоюродная сестра моей мамы, взявшая в свое время на себя заботу о нас с сестрами — несколько раз порывалась мне погадать. Но я запрещала. Заглядывать в будущее было страшно. Да и Оуэна я давно разлюбила, так что не понимала, о чем именно спрашивать у судьбы.

Но недавно все изменилось. Я проснулась с ощущением приближающегося счастья. Это был совершенно обычный день, но солнце казалось мне ярче, небо светлее, пение птиц красивее, а аромат цветов душистей... Тогда, к вечеру, мне привезли Варю. Баснословно дорогую козу — подарок от благодарной клиентки, излечившейся в Глубинках от болезни. Животное оказалось с отвратительным характером и сильным даром — влипать в неприятности. А еще она не давала молока. Совсем.

Тара — беременная супруга мясника, приходящая ко мне в качестве помощницы по дому — осмотрела Варю и вынесла новомодный диагноз. Стресс.

— Это скотина из-за переезда нервничает, — кивала женщина со знанием дела. — Надо ждать. Она уже взрослая и рожавшая. Так что помогут только время и забота. Или сразу можем того...

Тара провела большим пальцем по шее и подмигнула так, что мы с Варей попятились одновременно.

Пришлось заботиться и ждать. И, как ни странно, Варини приключения помогли мне самой. Волнение и ответственность за другое живое существо очень взбодрили.

Вот только дом продолжал скрипеть и разваливаться, не собираясь разделять мою радость от обретения козы. Вари ему явно было недостаточно.

— Анни! — Услышала я с первого этажа. — Ты проснулась? Спускайся. Я приготовила завтрак и жду свой отвар!

Улыбнувшись, я надела первое попавшееся платье и, быстро скрутив волосы на затылке, пошла встречать помощницу.

Тара — пухленькая, кругленькая и румянькая — стояла у большого кухонного стола и уплетала кабачковые оладьи. Запах еды заставил меня поторопиться.

— Доброе утро, — улыбнулась я. — Сейчас будет отвар. Ты давно здесь?

— Часа два, — ответила Тара, погладив внушительный животик.

Примерно через месяц она должна была обрадовать мужа четвертым ребенком. Он надеялся на мальчика. Она — хотя бы на одну девочку.

— Устала? Присядь, — велела я. — Говорила же тебе, хватит приходить. Я справлюсь.

— Угу, — усмехнулась Тара. — Ты ж не приученная сама по дому. Это мне с бытовой магией здесь уборки — раз, два и готово. А ты с непривычки запустишь все мои старания! Застрессуешь, как твоя Варя, и что будем делать тогда?

— Заботиться и ждать, — засмеялась я, вынимая из темного шкафчика закупоренный на ночь бутылек с отваром из шиповника, малины и парочки других полезных трав, собранных несколько недель назад. — Держи. И давай уже есть. Так аппетитно пахнет!

— Садись, — кивнула Тара. — И расскажи мне, как тебе новый плотник? Ты видела его? Рябой, конечно, но одинокий и рукастый. Он бы тебе полы здесь перестелил за два дня. А то и за день! А потом и в спальне...

— Тара! — Я покачала головою.

— Ты ешь-ешь, это я так, — закивала она. Помолчала пару секунд и продолжила любимую тему: — Руки на себя опускать — последнее дело. Ты же красавица у нас. И умница. И фигура отличная, а ножки какие стройные!

Она указала на обсуждаемые конечности. Я пожалела, что надела слишком короткий домашний сарафан.

— Дом — отражение состояния главы рода, — наставительно заметила Тара. — Так что, прислушайся к моим советам, пока здесь еще можно что-то сделать. А то Ирэне с Тианой некуда будет вернуться. У тебя в ванной труба снова засорилась. И здесь, за раковиной, трубы так гудят, что каждый раз сердце прихватывает.

Я кивала. И ела оладьи с ягодным джемом. И шурилась от блаженства, так было вкусно.

— Ты совсем меня не слушаешь, — сетовала Тара. — А я добра хочу. Эх... Ладно. Мне нужно идти. А ты, если будешь в городе, загляни в контору мистера Шамса и познакомься с тем плотником. Он еще не старый. Лет сорок, быть может. Это даже хорошо. Мужчина уже с опытом и терпением и еще при силах. Если ты понимаешь, о чем я.

И она погладила себя по круглому животу.

Я улыбнулась и принялась убирать со стола.

— Упрямишься, — вздохнула Тара. — Ладно, завтра еще поговорим. Я тебе жаркое принесла на ужин. В хладник убрала. Поешь, не забудь. И еще... белье я постирала, а развесить тебе придется самой. Сил не осталось.

— Конечно. Спасибо тебе, — кивнула я, подавая Таре отвар и провожая из дома.

— Таз с бельем там, — махнула рукой она. — Не откладывай надолго, а то снова вызовут куда-то срочно...

— Прямо сейчас займусь! — пообещала я.

— Ну хорошо, — улыбнулась она. — И к плотнику сходи. Хоть посмотри на него, Анни. Ну, не понравится совсем, что ж теперь...

А если этот тот самый? А ты носом крутишь! Совсем ничего не делаешь для улучшения жизни. И малыша Энниза попроси заглянуть, засоры почистить. Не затягивай...

Выйдя за калитку, Тара замолчала. Обернувшись, осмотрела мой дом, меня и нахмурилась, поглядела с беспокойством. А потом улыбнулась ободряюще и все же пошла по короткой тропинке через лес.

А я отправилась делать то что было в моих силах — вешать белье. Хотелось еще успеть собрать созревшую на сегодня малину, пока до нее не добралась Варя. Но это уже был план максимум.

Рймонд

Как ни странно, мое утро, впервые за много лет, началось ближе к обеду. И проснулся я в самом благодушном настроении: отдохнувший, словно побывал в настоящем отпуске. Правда ощущение радости продлилось ровно до момента, пока не пришло осознание, где именно я нахожусь. Западня. Захолустье. Вынужденное заточение...

Список из неприятных синонимов для Глубинок можно было продолжать вечно. Чем я и занимался, пока приводил себя в порядок и спускался вниз.

Так что в гостиную вошёл в прескверном настроении, желая одного: поделиться им с ближними.

Однако все ближние куда-то разбежались. Дальние, впрочем, тоже не показывались.

Дом словно вымер. Единственным свидетелем присутствия в нём людей стало письмо от тётушки. Благо, этот не была телеграмма, и здесь за буквы платить не приходилось, так что леди Василианна не пожалела ни знаков препинания, ни предлогов, ни чернил.

"Дорогой мой! — писала она. — Твой завтрак на столе. Я ушла на прогулку в горы. Твой столичный лекарь сказал, что отправился посмотреть город. Горничная ушла помогать матери по хозяйству. Так что, никто тебе не мешает хорошенько отдохнуть. Будь как дома, милый. Здесь невероятный воздух, а в лесу растут крупные грибы. В детстве ты любил их собирать, помнишь?

С любовью, тётушка Василианна".

Дочитав, я тщательно сложил письмо семь раз и убрал с глаз подальше. Затем подогрел завтрак и поел.

И снова стало скучно. Злиться на весь мир в одиночестве ужасно неприятно. Пришлось вспомнить про лес. В детстве я действительно любил отправляться за грибами с пожилым сторожем. Тогда мне даже удавалось отличать съедобные экземпляры грибов от несъедобных... Жаль, что тетушка не напомнила мне, как давно это было.

— Двадцать три года назад, — признался я одному из крепких дубов спустя час блуждания по лесу. — Тогда я лучше ориентировался на местности. И вообще на природе. А теперь вот...

Я взмахнул перед деревом небольшой корзинкой, в которой лежали нож для срезки грибов, несколько сырных лепешек, прихваченных из дома, и мой порядком измятый пиджак.

Дуб не ответил, но в шелесте его листвы мне послышалась неприкрытая укоризна.

Я никогда не любил осуждения в свой адрес. Потому, осмотревшись, решил идти дальше. Из окон тетушкиного дома лес виделся мне узким и редким. Потеряться в таком стыдно. Поэтому я делал вид, что прогуливаюсь. Если можно прогуливаться без удовольствия и радости.

Спустя еще четверть часа мое терпение оказалось вознаграждено: лес неожиданно расступился, открывая шикарный вид на недавно скошенный луг, чей-то дом, кусты малины и... девицу в очень коротком сарафане. На ее голове была косынка, из под которой виднелись несколько прядей русых волос. Сама она развешивала белье и напевала какую-то прилипчивую мелодию.

Девушка была прекрасна. Изящная, гибкая, стройная. Смотреть на такую — одно удовольствие.

И все было прекрасно. Пока я не ощутил на себе чей-то откровенно недобрый взгляд.

— Бе-е-е, — проблеяло рыжее недоразумение, подкравшееся ко мне сбоку.

— Спокойно, — попросил я козу. — Не бойся меня. Я не причиню вреда.

Коза нездорово оскалилась, дернув верхней губой, и, опустив голову, зачем-то начала грести передней ногой.

— Спокойно! — повторил я, принимаясь пятиться и выставив перед собой корзину с пиджаком. — Иди, куда шла. Слышишь?

— Бе-е-е, — выдала рыжая гадина и рванула на меня!

Мне едва удалось отпрыгнуть в сторону! Затем, вильнув вправо и швырнув в нападающую корзину, я рванул к женщине с бельем.

Тут-то нас с козой и остановил голос, которому нельзя было не подчиниться:

— Варя! Место!

Рыжее недоразумение посмотрело на меня, снова дернула верхней губой, как бы говоря, что это еще не конец, и медленно развернулась, направившись к кустам малины. А я понял наконец, с кем повстречался на окраине леса.

— Что вы здесь делаете? — гневно сверкая глазами, спросила мисс Аннабель. — Преследуете нас?

— Вас? — удивился я.

— Меня и несчастную козу, — с вызовом кивнула она.

Я передернул плечами, припомнив жуткую морду «несчастной».

— Так зачем вы здесь? — не унималась знающая.

— А вы? — спросил я, принимаясь по-привычке нападать в ответ. — Каким образом здесь очутились? Помогаете кому-то по хозяйству?

— Это мой дом, — растерялась мисс Аннабель.

— Что ж у знающей — владелицы древней магии, род которой считается ровней аристократам, некому повесить белье? — спросил я. — Это что-то новенькое.

На ее лице отразилось смущение. Следом пришли злость и новое требование:

— Вам лучше уйти! Немедленно.

Она сдула с лица прядь русых волос и прикрылась наволочкой, которую собиралась повесить для просушки. Карие глаза заволокло коркой льда. Я уже жалел о своих словах. И не хотел уходить. Тем более в опостылевший лес. Но и оставаться не представлялось возможным — слишком неправильным было наше общение с мисс Аннабель с самого начала. Исправлять что-то прямо сейчас было глупо — девушка явно на взводе, и этому снова поспособствовал я сам.

А тут еще эта коза!

— Варя, фу! — приказала девица рыжей гадине, которая как раз в наглую мусолила мой пиджак от Корина Фичиррити — очень известного дорогого модельера. — Наверное, у вас в корзине было что-то съестное. Иногда она ест одежду, если та пахнет едой.

Я припомнил прихваченные с собой лепешки. Что ж, поделом...

Забрав корзину, поеденный пиджак и нож, я, больше ни слова не говоря, гордо вошел обратно в лес, где с удивлением обнаружил вполне себе хорошо протоптанную тропинку. Как можно было такую

не заметить раньше — осталось загадкой. Но не прошло и четверти часа, как я вернулся в тетушкин дом.

Без грибов, и без понимания, чем вообще заняться дальше.

— Милый, ты вернулся? Хорошо погулял? — леди Василианна возникла передо мной, а в голове пронеслись воспоминания из детства. Там тетушка так же встречала растрепанного парнишку, вечно носящегося где-то по окрестностям в поисках приключений. И ведь непременно их находил.

Впрочем, как и сегодня.

— А что с твоим пиджаком? — ужаснулась тетушка, заметив в моих руках корзину. — Кто его так?

— Одна Тваря, — ответил я, нехотя припоминая рыжую козу с мерзким оскалом.

— О, ты был у мисс Аннабель? — как-то сразу догадалась леди Василианна. — Она живет здесь совсем недалеко. Если идти через лес. А вот в обход долго получается.

Я лишь кивнул, отставляя в сторону свою ношу и уточняя:

— Где Чаоморро?

— Твой лекарь? — переспросила тетушка так, словно в этой глуши было еще минимум трое людей с такими же именами.

— Он самый, — терпеливо ответил я.

— Приходил и ушел, — пожалала полными плечами леди Василианна. — И, если тебя интересует мое мнение, хочу заметить, что вам, городским, очень на пользу свежий воздух Глубинок.

— Смею напомнить, что твой дом так же в столице, — сказал я, бросая на тетушку насмешливый взгляд.

— Это пока, — загадочно ответила она, убивая остатки моего хорошего настроения. — Но что мы все обо мне? Ты наверное проголодался? Или Анни угостила тебя чем-то?

— От нее, пожалуй, дождешься, — покачал головой я, припоминая девицу, прогнавшую меня назад, в лес.

— Прекрати, — отмахнулась тетушка, — Анни — просто идеал! Красавица, умница, светлейший человек. Правда в карты она точно обманывает. Невозможно каждый раз выигрывать без шулерства.

— Только в карты? — словно невзначай, спросил я.

— В остальном она прелесть, — кивнула тетушка. — Несмотря на все свалившиеся трудности, Анни ко всем добра.

— Какие же у нее трудности? — усмехнулся я, входя за тетушкой в гостиную. — После лечения наложением рук, кисти ломит на погоду?

Леди Василианна обернулась настолько резко, что мы едва не столкнулись. Ее взгляд, обычно излучающий добро и приветливость, неожиданно изменился, став жестким, непримиримым и осуждающим одновременно. И я снова окунулся в воспоминания из детства. Тетушка почти никогда не злилась и, тем более не ругала меня или мою сестру. Но бывали случаи, которые по ее мнению, выходили «из ряда вон». Когда я дразнил бедняка из-за плохой одежды. Когда сказал младшей сестре, что ей не нужно заниматься астрономией, потому что дело девицы — лишь выгодно выйти замуж. Когда принес в дом котенка с улицы, а потом устал от него и пытался отнести туда, где взял...

— Давненько тебя не пороли, дорогой мой! — холодно сказала тетушка, глядя на меня так, что хотелось виновато опустить голову и начать каяться во всех грехах. Даже в чужих.

— Никогда не пороли, — ответил я, выдержав ее давление. — И, если ты забыла, напоминаю: я уже не ребенок.

— Забыла, — кивнула она. — Потому что услышала сейчас рассуждения малолетнего невоспитанного грубияна. И мне стало стыдно за твое поведение, Раймонд!

Я сложил руки на груди и демонстративно заломил бровь, показывая, что остался безразличен к неоправданной отповеди.

Леди Василианна вздохнула и направилась к открытому окну. Там она остановилась, принявшись высматривать что-то вне дома. А я продолжал стоять равнодушным изваянием, чувствуя себя при этом премерзко.

— Родители Анни погибли, — наконец сказала тетушка. — Знающим был ее отец. Я видела его портреты в архивных газетах. Красавец мужчина из очень древнего рода. А жена у него была из семьи предсказателей, но сама дара не имела. Здесь, в Глубинках, раньше было очень много магов. Рядом какой-то старый разлом, говорят, это связано с его энергетическим фоном... Но, как ты должно быть, заметил, город находится слишком далеко от столицы,

и молодежь здесь тоскует. Многие уезжают, бросая родовые дома. А это...

— Это корень их силы, — припомнил я.

— Да, — согласилась тетушка. Глядя в окно, она продолжила: — Если глава рода покидает исконный дом, магия умирает. Таков древний непреложный закон. Жестокая плата за способности, о которых другие могут только мечтать.

Леди Василианна умолкла. Немного подождав, я все же спросил:

— Так что там с мисс Аннабель?

— Ее отец был сильным магом, — ответила тетушка, опомнившись. — К нему часто обращались люди со всего королевства. И, изредка, умоляли приехать его самого. Покинуть дом, пусть и ненадолго. Он соглашался. Если быстро возвращаться, дому и дару ничего не грозит. В одну из таких поездок случилась авария. Тогда родители Анни взяли с собой старшую дочь. Ирэну. Она осталась жива, но сильно пострадала и долго восстанавливалась. И дар знающих, покинувший хозяина, в ней особо не прижился. Я не знала, но, оказывается, магия избирательна, она не любит слабых. Представляешь? Так что, большая часть дара главы рода передалась Аннабель — средней дочери, постоянно проживающей в «гнезде».

— И чем это плохо? — спросил я, уже осознавая, как напортачил, когда принял настоящую знающую за шарлатанку.

Тетушка обернулась, ответила с грустью:

— Она не может уехать. Аннабель. Их дом — залог силы рода. И ей сейчас особенно сложно это принять, потому что жених, который у нее был, год назад сбежал в столицу. Не захотел оставаться в Глубинках. Ты наверное слышал о нем. Мастер Оуэн Сиал.

Мои брови приподнялись от удивления:

— Тот самый Сиал? Одаренный артефактор-ювелир?

Тетушка кивнула и пояснила:

— У них тоже здесь родовой дом. У Сиалов. Но у мастера Оуэна есть старший брат, который должен будет унаследовать основной дар, а их отец жив и здоровствует. Он делает артефакты на заказ. Невероятные вещицы, дорогой мой. Как я уже сказала. в этом городе очень много одаренных людей. Хотя многие семьи пришли в упадок, и в большинстве домов доживают свой век только старики — их дети уехали в поисках лучшей жизни. А ведь в городе есть все условия для

хорошего развития. Но он заброшен. Вот если бы нашлись идеалисты и меценаты, готовые возродить былое величие Глубинок...

— А было величие? — уточнил я. Без ехидства. С задумчивым интересом.

— Скажем так: не было такого запустения, как теперь, — исправилась тетушка. — Когда вся мощь прогресса, все мануфактуры и прочее сосредоточено в столице и ближайших к ней крупных городах, местечки подобные этому вынуждены медленно погибать. А ведь здесь была прекрасная оранжерея, в которой растили огромное количество лекарственных растений. И текстильная фабрика имела замечательная. Сейчас она закрыта, но...

— Ясно, — перебил я тетушку, осознавая ужасное: она решила сосватать мне эти самые Глубинки, как невесту холостяку. — Мысль ты подала весьма красноречиво. И, пожалуй, завтра я действительно прогуляюсь в архив, дабы познакомиться с историей города и его жителей.

Тетушка победно улыбнулась, а я поспешил добавить очень важное замечание:

— Надо же мне чем-то заниматься эту неделю до прибытия поезда. Сидеть в доме и кормить дорогими пиджаками коз — слишком скучно и затратно.

— Ты можешь уехать позже, дорогой, — заметила леди Василианна заискивающе. — Здесь есть совершенно волшебные места, а уж горы...

— Боюсь, у меня слишком много важных дел там, и ни одного стоящего здесь, — ответил я категорично. — А теперь пришло время выпить того замечательного успокоительного отвара и почитать книгу. Прошу меня извинить.

Аннабель

С утра мне пришлось посетить троих пациентов поочерёдно. И каждый был капризней предыдущего. Мужчины, что с них взять? Сначала они запускают болезнь до практически необратимо года состояния, а потом требуют волшебного наложения рук, чтобы моментально избавиться от неприятных симптомов.

— Это так не работает, — объясняла я, кажется в тысячный раз. — Пришли бы вы ко мне сразу, как только колено начало болеть, всё было бы в разы проще. А теперь придется нам с вами постараться.

— Может, просто дольше прошепчешь эти свои стихи? — предложил мистер Вассти, хмурясь.

— Заговоры, — исправила я его. — И нет, не пошепчу. Я, знаете ли, тоже устаю и не собираюсь отдавать вам остатки собственных сил. Попьете настойку, которую я рекомендую. Её нужно купить в аптеке и начать принимать как можно скорее. Это очень важно.

— Да мне уже легче, — отмахнулся горе-пациент. — Отлежусь пару дней, а на следующей неделе...

— Ляжете в больницу, — пожалала плечами я. — Там вам сделают курс уколов и отправят на лечебную гимнастику. Мне кажется, пить настойку и разрабатывать ногу дома приятнее. Сейчас я немного помогла при помощи магии, но к утру колено за болит снова. Если не начнете лечение.

— Начнет! — заверила меня миссис Вассти, бросив предупреждающий взгляд на мужа. — Сейчас же схожу в аптеку и куплю, что надо. Спасибо, Анни.

— Будьте здоровы, — привычно ответила я, забирая скромный гонорар и покидая их дом.

После третьего пациента голод, до этого едва заметный, заставил желудок нервно сжаться. Пришлось свернуть к пекарне неподалёку и купить яблочный пирог. А ведь хотела хотя бы ненадолго ограничить себя в сладком и мучном...

Перекусить решила у тётушки Марианны. Она как раз проживала рядом. Заскочила к ней в дом без стука, прошла по коридору

к гостиной и... остановилась, услышав чужой голос. Мужской.

— На этот раз дело серьезное, — говорил он. — Сколько я вас просто не гадаю людям по портретам? Вы опять за своё. Напророчили девице лучшую судьбу вне стен отчего дома. И что она сделала?

— Что? — как-то не слишком заинтересованно спросила тётюшка.

— Сбежала! Оставила письмо с извинениями и пропала. Нашли только её портрет и ваше предсказание под подушкой.

Теперь я узнала голос мужчины. Местный законник, мистер Гаерр. Его контора вечно прозябала без клиентов, потому что услуги были слишком дороги. И потому что сам мистер Гаерр очень любил «снимать печаль» в пабах, где в основном его потчивали вдолг.

— Теперь родня той девицы жаждет расправы и компенсации, — продолжил закончил. — Написали грозную телеграмму. Угрожают. Требуют выдать местонахождение беглянки, или...

Дальше слушать я не стала. Вышла из дома, тихо прикрыв дверь, и устало провалилась к стене. Неприятности сыпались на нашу семью одна за другой, даже не думая прекращаться. Теперь вот тётюшка... Столичные часто приезжали, заказывали услуги у местных, а затем, не желая платить или желая вернуть уплаченное, подавали жалобы через конторы законников. То картину им нарисовали не такую, как хотелось; то предсказание испортило им жизнь; то артефакт работает совсем не так, как просили. Так что, теперь все больше местных вовсе отказывались работать с незнакомцами.

Тут я припомнила бывшего жениха. Оуэн, уехав год назад, осел в столице и, говорят, неплохо устроился. Иногда по его рекомендации оттуда за услугами приезжали богатые леди и лорды. Им доверяли. Оуэна здесь помнили и любили. Я тоже помнила. А любовь давно увяла, и теперь казалось, что все это было совсем не со мной: мечты о семье, романтика, жаркие поцелуи. Он не смог вернуться ради меня в Глубинки, а я не смогла отказаться ради него от дара.

Тётюшка Марианна как-то сказала, что настоящая любовь и не должна восприниматься как жертва во имя кого-то. Возможно, она была права.

Оттолкнувшись от стены, я отправилась к себе. Нужно было успокоиться и подумать, чем помочь родственнице. Подсчитать, сколько денег у меня отложено на свободные расходы... Взгляд невольно опустился к сумке, в которую я сложила сегодняшний

крошечный заработок, и наткнулся на дурью траву, обещанную леди Василианне.

И хотя идти больше никуда не хотелось, я заставила себя сделать небольшой крюк. Зря. Стоило войти в уютный дворик арендованного леди Василианной дома, как настроение испортилось окончательно: я услышала голос ее племянника. Дальше показался и он сам.

Раймонд

К моему пробуждению дом снова опустел.

Глубинки радовали отличной погодой, постель оказалась удобной, а сны... очень приятными! Даже слишком. О таких никому не рассказывают, наслаждаясь воспоминаниями в одиночку. Единственным нехорошим моментом стало понимание, о ком именно были эти сны.

Аннабель. Девушка, дважды встретившаяся мне на пути. За два дня. И засевшая в голову, как заноза, от которой было очень тяжело избавиться. Вечером, после тетушкиного рассказа, меня терзало чувство вины из-за необоснованных нападков на бедняжку знающую. А ночью... Ночью я очень усердно извинялся перед этой Аннабель. И, смею заметить, ей в моем сне тоже нравилось.

Вот только ближе к обеду, когда я соизволил спуститься вниз в поисках завтрака, захотелось все забыть. И то, как я грубил девушке в реальности. И то, что мы делали в моих снах. Однако ее образ — тот самый, где она в слишком откровенном сарфане вешала белье, привстав на цыпочки — не выходил из моей головы. Ее стройные ноги, высокая грудь, выбившиеся из-под платка пряди русых волос на загорелом лице...

Я мотнул головой, прогоняя наваждение, и позвал тетушку. Та не откликнулась. Ее горничная так же исчезла.

— Чаоморро! — крикнул я, выходя из дома в поисках хотя бы одной живой души. — Где все?

И, кто бы мог подумать, один человек нашелся! Вместо лекаря из-за угла дома показалась всезнающая и вездесущая мисс Аннабель.

— Ищите своего Чмора? — спросила она с непроницаемым выражением лица. — Он потерялся?

Я почувствовал, как дернулось правое веко. То ли так подействовало неправильно произнесенное имя лекаря, то ли голос девушки, то ли ее появление в принципе.

— Вас за каким... по какому случаю сюда занесло? — как можно сдержанней ответил я.

Сегодня знающая была одета в длинное бежевое платье с рукавами фонариками. На груди оно застегивалось почти до самой шеи. Казалось бы, скрыто абсолютно все, чем можно заинтересоваться. Но моя память, на которую я к сожалению не жаловался, моментально подсказала, что за фигура спрятана там, под плотным хлопком.

— Я обещала леди Василианне зайти, — сказала девушка тем временем. — Принесла ей травы. Они помогут унять головные боли, приведут в порядок мысли и дадут организму расслабиться.

Я с подозрением посмотрел на холщевый мешочек в руках «всезнающей». Из него сиротливо выглядывали сухие мятые соломины, меньше всего напоминающие что-то, способное обезболить или расслаблять.

— Не думаю, что тетушка станет это пить, — выдал, не сдержавшись.

— Почему? — удивилась мисс Аннабель. — Вы же пили, и ничего...

— Я?

Мисс кивнула:

— Леди Василианна сказала, вы выпили остаток ее запасов за два вечера и попросила принести еще «дурьей» травы.

— Почему «дурьей»? — чуть севшим голосом уточнил я. И, хотя не имел дара, откуда-то заранее знал — хорошего ответа не получу.

— Она слишком расслабляет, — пожала плечами мисс Аннабель, — заставляет спать подолгу и видеть очень яркие сны. В итоге никакие дела не делаются. В голове слишком пусто, как у... не слишком умных людей. Поэтому так называли. Но, если у вас бессонница, то средство идеальное.

— Это точно, — пробормотал я, с некоторым страхом глядя на сухие соломины и зарекаясь пить тетушкины запасы в будущем.

— Что ж, оставлю это вам. — Аннабель протянула мне мешочек. — Передайте леди Василианне, если вас не затрудит.

Я кивнул, с опаской принял солому, и какое-то время наблюдал за знающей. Она почти ушла со двора, когда я наконец собрался с силами и произнес то, что должен был, как взрослый сильный самодостаточный мужчина, умеющий признавать свои ошибки:

— Вы тоже виноваты в том, как неприятно началось наше знакомство.

Она обернулась, заломила левую бровь. И я, вздохнув, добавил уже гораздо серьезней:

— Но моей вины, несомненно, в разы больше. Признаю. Мне не стоило говорить с вами в том тоне, в каком я говорил. И вообще... Я бы хотел чем-то загладить свое поведение. Не просто словами, а делом. Возможно, вам нужна помощь? В чем-то.

Она продолжала молча меня разглядывать, от чего становилось ужасно неловко. Тут же вспомнилось, что одеться я успел, а вот причесаться — нет. Да и побриться не мешало бы...

— А что вы умеете? — неожиданно спросила мисс Аннабель. И ее тон был настолько пропитан сарказмом, что чувство вины во мне уменьшилось в разы. Сдулось до малюсенького комочка.

Я умел многое! Очень... и ее вопрос был оскорбительным. А следующий вообще застал меня врасплох:

— Дрова, например, наколоть сможете?

— Безусловно, — солгал я, при этом пытаюсь вспомнить, держал ли вообще когда-либо в руках топор?

— Что ж... Тогда, если вы действительно жаждете искупить вину, приходите, — улыбнулась она. — Дрова действительно не помешают. Я буду дома завтра после обеда.

— А сегодня? — уточнил я, неожиданно поняв, что делать все равно больше нечего.

Мисс Аннабель, кажется, растерялась ненадолго, но быстро собралась и кивнула:

— Прямо сейчас я иду домой. Можем пойти вместе.

— Дайте мне три минуты, — попросил я, взмахнув мешочком с соломой. — Оставлю это, возьму пиджак и отправимся делать добрые дела!

Она улыбнулась, но как-то неуверенно. Снова кивнула и указала на калитку, сообщая:

— Буду ждать вас у тропинки. Пойдем через лес — так гораздо быстрее.

Аннабель

Честно говоря, стоя у леса, я думала о том, чтобы малодушно сбежать. Не дожидаясь лорда. А еще корила себя за согласие на помощь.

Для чего она мне?

Дрова прекрасно рубит малыш Энниз.

Конечно, нужно было отказать племяннику леди Василианны. Послать его... назад, в столицу. Чтобы не лез к честным девушкам со своим мнимым раскаянием.

Но мне неожиданно понравилось, что он извинился. Без пафоса, даже с неловкостью. Сразу видно — лорду непривычно признавать вину перед кем-то. Наверное, потому он и сделал это так неумело. Как тут не простить?

— Вот и я. — Он пришел действительно быстро. Улыбнулся и уточнил: — Надеюсь, топор у вас есть? Я свой оставил в столице.

— У меня даже два, — ответила я, первой ступая на тропинку. — Выберите, какой лучше в руку ляжет.

Какое-то время мы шли молча. Мне даже показалось, что лорд отстал, но, обернувшись, я уперлась взглядом в мужскую грудь. Оказывается, он шел почти по пятам.

— Бойтесь меня потерять? — вкрадчиво спросил лорд.

— Не то чтобы боюсь... — Подняв взгляд, я посмотрела ему в лицо и просветила: — Просто не хочется потом поднимать людей для организации поисковой группы. Это непростой лес. Чужаков он может водить по местным тропкам часами, а то и днями. Хотя, вы наверное не верите в такое.

— Заговоренный лес? — усмехнулся лорд. — Вы серьезно?

— Наш городок расположен рядом с магической аномалией, — сказала я, указывая вправо, в сторону гор. — И лес начинается как раз оттуда. Никто не называет его заговоренным, милорд. Но мы частенько приносим жертвы духу леса.

В последние слова я нарочно проговорила с хрипотцой, а на лицо нагнала мрачности.

Лорд нахмурился, взглядываясь в мои глаза, а потом, чуть наклонившись прошептал заговорщицки:

— Я бы поучаствовал в таком ритуале. Предлагаю следующей пожертвовать вашу Тварю.

Мои губы дрогнули, так что я едва успела отвернуться, чтобы сохранить видимость серьезности.

— На самом деле, в жертву приносится наше время, — сказала я, продолжая идти. — Потому что мэр периодически заставляет местных мужчин выйти из своих домов в выходной день, и помогать нашему леснику. Они рубят помеченные старые деревья, занимаются расчисткой и опилом там, где скажут. Что-то обрабатывают, где-то удобряют...

— Значит, козе ничто не грозит, — понял главное мой спутник.

Я все же улыбнулась и, не считая нужным скрывать, рассказала грустную историю Вари.

— По словам моей помощницы, у нее стресс. Слишком долгая дорога, смена местности, и все такое. Потому и характер такой паршивый.

— И вы в это верите? — уточнил милорд.

— Что мне еще остается? — пожала плечами я. — Надеюсь, она пообвыкнется и станет лучше.

Лорд громко хмыкнул.

Остаток пути мы прошли в молчании, и, как ни удивительно, оно не было тягостным. Кроме того, тропинка достаточно быстро вывела нас к моему дому. Там, как вежливая хозяйка, я сначала предложила гостю войти на чашечку чая, но он отказался.

— Давайте сразу приступим к делу, — сказал лорд, безошибочно обнаружив колоду, на которой обычно рубил дрова малыш Энниз. Там лорд остановился, потирая руки и осматриваясь таким решительным видом, что мне стало не по себе. И все же я вынесла оба топора. И указала на пристройку, в которой хранились не порубленные пока поленья.

Лорд осторожно снял пиджак, встряхнул его и, сложив вдвое, повесил на сук старой яблони. Затем принес несколько больших круглых пней.

Я заметила, как из-за кустов малины показалась Варя. Она даже подалась вперед, предвкушающе оскалившись на пиджак, но, услышав

громкое: «Эх, сейчас я вас!» опасно замерла. И мы вместе стали наблюдать за лордом.

Он словно собирался победить в большом забеге или заплыве.

Пригрозив пням, закатал рукава рубашки повыше, расставил ноги на ширину плеч и несколько раз повернулся корпусом вправо-влево. Покрутил руками, согнув их в локтях. Поприседал, подтянув брюки. Повращал головой. Соединил пальцы и выгнул их ладонями к колоде до треска в костях... Затем что-то пробубнил и взял в руки топор.

Мы с Варей попятнулись одновременно. Она за кусты, я к дому.

А лорд, поставив пень на колоду, замахнулся, с силой всадив рубило в дерево. Тихонько выругался. Затем начал вытаскивать топор, упираясь ногой в пень. Оглянулся на меня, и я нарочито весело сообщила:

— Пойду пока дела в доме поделаю. Не буду мешать!

— Идите, — прохрипел лорд одобрительно.

Я кивнула и унеслась. Путь держала в кухню, откуда открывался отличный обзор на двор. Но там уже стояла Тара — моя помощница. На звуки моих шагов, она обернулась и удивленно спросила:

— Что это ты такое в дом привела?

— Это лорд, — ответила я, пытаюсь припомнить имя, которое говорила леди Василианна. — Рауль, кажется.

— И где ты его взяла?

— В городе, — сказала я, подходя к окну и отодвигая Тару, чтобы посмотреть на своего нечаянного помощника. — Он пришел помочь мне.

С улицы до нас донеслась отборная брань. Лорд снова выковыривал топор из пня и, сделав это, отбежал назад, едва не упав.

— Да-а, — протянула Тара рядом. — Я конечно советовала тебе найти хоть какого-то мужика, но такое... Ты же вроде еще не совсем отчаялась. Зачем сразу соглашаться на что попало?

— Вообще-то, он симпатичный. — Я почему-то обиделась за Рауля.

— Так ты его за мордашку что ли пригрела? — Усмехнулась Тара. — Тогда зачем топор дала? Покалечится ведь. У него же руки сразу видно, из зад...

— КХМ! — раздалось из-за окна.

Мы с Тарой, увлеченные разговором, вздрогнули и пристыженно обернулись к лорду. Неизвестно, сколько он нас слушал, но «мордашка» была не довольной.

— С дровами не заладилось, — сказал очевидное лорд. — Кажется, с ними я вам не помогу. Может, есть что-то еще? Другое.

— У нее трубы засорились! — охотно высказалась Тара. — Здесь, в кухне. Проходите, милорд. Вы разбираетесь в трубах?

Он ответил очень неразборчиво. То ли послал нас, то ли наоборот пообещал прийти. И пропал из поля зрения.

Я с укором посмотрела на Тару.

— А что? — развела руками она. — Он спросил — я ответила. А там засор — плевое дело. Не лез бы у меня живот на нос, я бы сама залезла и все прочистила. Даже дурак справится.

Лорд не справился.

Во время прочистки, трубу прорвало. Костюм моего горепомощника был сильно испачкан, а уж его гордость... Когда милорд вызвался набрать в колодце воды для мытья пола, я так ярко представила, как он падает вниз и тоне, что выпалила:

— Рауль, прошу вас, не нужно.

— Раймонд, — сквозь зубы исправил меня он. А потом, окинув разруху вокруг недобрым взглядом добавил: — Я вернусь завтра с утра, и все исправлю!

Хотелось умолять его не делать этого. Но я лишь взмахнула половой тряпкой, продолжив уборку и надеясь, что Рауль-Раймонд вспомнит о чувстве самосохранения и передумает сам.

На следующий день меня разбудил шум. Словно кто-то рубил дрова на дворе. Например один лорд из столицы, не умеющий толком держать в руках топор! От этого предположения у меня на голове зашевелились волосы, ведь приращивать отрубленные пальцы наложением рук — дело гиблое! Останется только пришивать...

Не помня себя, я вскочила с кровати, подхватила на ходу халат и, путаясь в рукавах, бросилась вниз по лестнице. Воображение при этом то и дело подкидывало картинку травмированного в самые разные места Рауля-Раймонда. Я все еще путалась в правильности его имени...

Стоило спуститься, как сердце и вовсе едва не остановилось. Я услышала шипение крана в кухне, где наночь перекрыла воду! Затем мужской голос. Очнулась уже вбегая в помещение.

Первым заметила большой ящик с разложенным вокруг инструментами. Затем старую трубу рядом. После — большую часть мужского тела, торчащего из-под раковины. А следом самого лорда Р... Он стоял справа от входа, целиком!

— Доброе утро, — радостно сказал он, поприветствовав меня чашкой с дымящимся напитком. — Простите, если мы с парнями разбудили вас. Тара открыла дверь.

Я перевела взгляд к хладнику, из-за которого показалась очень довольная помощница по хозяйству. Улыбнувшись, она протянула мне тарелку:

— Сырники, — сказала Тара. — С пылу-жару!

— Пылу-жару, — зачем-то повторил лорд и окинул меня нечитаемым взглядом с головы до ног.

Тут-то я и вспомнила, что выскочила из спальни в старенькой короткой сорочке и кое-как накинутом халате. Пришлось срочно поправлять одежду и уточнять:

— Что вообще происходит?

— Милорд помогает, как и обещал, — ответила Тара с обожанием посмотрев на племянника леди Василианны.

Он широко улыбнулся, кивнул и отпил из своей чашки. Обжигающий напиток явно что-то делал со взглядом лорда, потому что от него мне тоже становилось жарко. Пришлось перенести внимание на раковину. И тело под ней. Завязав длинный халат потуже, я кивнула на мужские ноги:

— А там кто?

— Мистер Ллойд, — ответил лорд Р. — Из конторы мистера Шаммса.

Я удивленно заломила бровь, припоминая цены в названном месте. А лорд продолжил говорить:

— Дрова во дворе колет мистер Дринт. А мистер Фарс смотрит, что можно сделать с полами в столовой. До этого он проверял прихожую.

Я разозлилась.

— Анни, мистер Фарс — это новый плотник, и он... — начала было Тара, но я так посмотрела на нее и сырники, что помощница предпочла отвернуться и принялась тщательнейшим образом вытирать столешницу.

— Что-то не так? — понял милорд.

— Можно вас на минуту? — сказала я и вышла из кухни. Помедлив, прошла в единственную гостиную, куда и позвала горе-помощника.

Тот вошел следом, прикрыл по моей просьбе дверь и замер с видом крайне заинтересованного человека.

— Что вы творите? — спросила я звенящим от злости голосом. — Зачем вы позвали сюда всех этих людей?

— Чтобы они занялись ремонтом и дровами. — невозмутимо ответил лорд Р.

— Но мне это не нужно! — ответила я.

— Это нужно вашему дому, — парировал лорд. — Вы сами сказали мне, когда я предложил помощь.

— Да! Но одно дело дать вам возможность загладить вину, и совсем другое... — Я сбилась, взмахнула рукой в сторону столовой, откуда раздался жуткий скрип дерева. — Неужели вы сами этого не понимаете?

Лорд Р не ответил.

Смерив меня пронзительным изучающим взглядом, он подошел ближе и неожиданно заговорил доверительным тоном:

— Вчера я снова заблудился в вашем лесу. Представляете? Казалось бы, вот она, тропинка. Иди по ней, никуда не сворачивай, и вскоре будешь на месте. Так? Нет, все вышло иначе. Больше двух часов я шел по тропинке. Сначала очень злой... Из-за унижения, которое испытал здесь.

— Унижения? — тихо переспросила я.

Он улыбнулся и спросил:

— Думаете, легко одному из лучших законников столицы, входящему в двадчатку самых завидных женихов, слушать о том, что привести его в дом можно только ради мордашки?

Я почувствовала, как краска стыда заливает лицо, чего со мной уже давно не бывало.

— Вам не стоило подслушивать девичьи сплетни, — сказала вслух.

— Поверьте, я и сам не рад случайно услышанному, — кивнул лорд, бросив на меня насмешливый взгляд. — Но вернемся к лесу. Я заблудился. Но пока нашел дорогу, так устал, что перестал злиться. И посмотрел на проблему с рациональной стороны.

— Проблемы нет, — попыталась возразить я.

В этот момент что-то за стеной рухнуло, послышалась ругань. Затем крик:

— Тим, тащи сюда свой зад, нужна помощь!

— Вот! — припечатал лорд Р, вскинув указательный палец. — Понимаете?

— Что? — не поняла я.

— Даже профессионалам иногда нужна помощь, — ответил лорд, одарив меня такой красивой улыбкой, что я на время забыла, о предмете спора. Но Р. напомнил сам: — Как только я начал мыслить здраво, сразу вспомнил, что есть и другой путь. Я — работник умственного труда и смею заметить, очень хорош в своей области. А кто-то другой занимается ремонтными работами, и он хорош там. Так зачем нам отнимать друг у друга хлеб?

— Но вы вообще ничего мне не должны, — запротестовала я. — И никто не сомневается в вашей... кхм... мужественности.

Я прекрасно понимаю, что в столице у вас есть слуги, которые выполняют все необходимое для вашего комфорта. И, когда вы вернетесь туда, все также будете входить в двадцатку завидных женихов. Сомневаюсь, что невестам из столицы важно, умеете ли вы колоть дрова...

— Раймонд, — подсказал он.

— Раймонд, — послушно повторила я. — Вы слишком близко к сердцу приняли глупую шутку моей помощницы. Вот и все.

— Я взялся за дело и хочу довести его до конца, — покачал головой лорд. — Вы просили нарубить дров и проверить трубы. Я пообещал, что помогу. Так?

— Хорошо, пусть так, — кивнула я, отчаявшись, — но причем здесь плотник?

— У вас скрипят полы, — ответил Раймонд.

— И что?

— И это ужасно раздражает мой тонкий столичный слух.

Мы схлестнулись взглядами. Я была полна решимости запретить ему тратить деньги на мой дом, но тут в комнату постучала Тара. И сразу вошла, с любопытством осматривая нас с лордом.

— Там это... — сказала она, явно ненадолго потеряв нужную мысль. — За тобой приехал малыш Энниз, Анни. У его отца снова приступ разыгрался. Зовет на помощь.

— Сейчас, — вздохнула я.

— Всем нужна помощь, — повторил Раймонд, подмигнув мне. И быстро вышел, словно мы уже все прояснили.

Я устало покачала головой, решив отложить споры с лордом на потом, и пошла наверх, одеваться.

Когда я снова вернулась в дом, засоры в трубах были устранены. В пристройке аккуратной горкой лежали дрова, а из крана в кухне вновь текла вода. На этом хорошее заканчивалось и начиналось раздражающее: шум мужских голосов, инструментов и скрип дерева.

Энтузиазм лорда Раймонда и приведенных им рабочих перешел на полы в доме. Тара, забыв о собственных делах, помогала мужчинам советами. Вся мебель из столовой была перенесена в гостиную. Во дворе росла гора из старых досок, а мое терпение, при виде подобного, наоборот, становилось все меньше.

Однако высказаться на эту тему я не успела: увидела самого «затейника» и передумала. Лорд Раймонд, избавившись от пиджака и закатав рукава рубашки до локтей, а брюки до колен, усердно работал наравне с остальными мужчинами. Заметив меня, он счастливо сообщил, что сегодня они успеют сменить полы еще и в холле!

Его глаза сияли от восторга, два пальца левой руки прятались под большим слоем бинтов, на лице темнела щетина, и он совершенно не походил на того сноба, каким представлялся мне еще день назад. Этот Раймонд выглядел иначе.

Я невольно вспомнила те чувства, что испытала при нашей первой встрече. Тогда лорд показался мне невероятно привлекательным мужчиной. И теперь во всем его облике снова виделось нечто настоящему очаровательное; меня тянуло к этому мужчине с невероятной силой, хотелось отвечать улыбкой на его улыбку, приблизиться и...

— Принесу вам прохладительные напитки, — сказала я, не позволяя мыслям заходить слишком далеко.

— Только не отвар из дурьей травы, — попросил Раймон, рассмеявшись. — Думаю, сегодня я и так буду спать, как младенец.

Тихий заразительный смех отразился от голых стен столовой и отозвался во мне ускоренным сердцебиением. Он же, как-то легко и непринужденно, разрушил толстую стену отчуждения, которую я тщательно выстраивала последний год. Ее просто не стало.

— Тогда обойдемся ягодным морсом, — сказала я и ушла в кухню.

Только там поняла, что широко улыбаюсь.

Вернее, это обнаружила Тара. Встав у меня на пути, она ласково коснулась моего лица полными пальцами и прошептала:

— Анни, наконец-то.

Я удивилась, а она подмигнула и, ни слова не говоря, развернула меня к зеркалу, висящему на стене.

— Видишь? — шепнула Тара, поглаживая мое плечо. — В твоих глазах снова сверкают смешинки, Анни. Так что я беру свои слова назад.

— Какие слова? — спросила я, рассматривая собственное отражение. Такое же, как всегда, только... счастливее?

— Про «мордашку», — пояснила Тара. — Этот твой лорд — молодец. Не зря ты привела его сюда. Я думаю так: если он не станет для тебя надежной опорой, то побудет мостиком, через который ты перейдешь через реку Грусти. Да?

Наши взгляды в отражении встретились. И Тара поиграла бровями, добавляя едва слышно:

— Он, конечно, не мой Питт, но в общем-то тоже ничего. Позвала ты бы его проверить скрип твоей кровати...

— Моя кровать никогда не скрипела, — нахмурилась я.

— Вот именно, — кивнула Тара. — А у счастливых девушек...

— Хватит! — прервала ее я, краснея. — Мне нужно отнести мужчинам морс.

— Неси, неси, — одобрила мой план Тара. — А я погрею ужин. Ты только всех на него не зови. На всех не хватит!

Я бросила на Тару строгий взгляд, и она, сделав честнейший взгляд, сказала:

— Ужина не хватит, Анни. Там только на двоих. Так что, я поеду с работягами, а ты уж накорми Рауля. Остальных мужиков и так дома встретят и накормят.

— Раймонда, — исправила я Тару.

— Как скажешь, — кивнула горе-сводница. — Хочешь пригласить Раймонда? Пусть будет он. Дай-ка посмотрю, что у тебя есть?..

Злилась ли я на Тару за столь откровенные намеки на интрижку с лордом? Немного. В то же время, я понимала — в ее словах есть зерно истины. В Глубинки приезжало не так много новых людей. Всех местных я знала давно и не представляла отношений с ними. Сама уехать не могла...

Так что, скоротечный роман с Раймондом выглядел в моих мыслях все более привлекательным... Вот только, чем больше я думала о возможности допустить подобное, тем сильнее нервничала и трусилась. Одно дело — допустить мысль о любовных отношениях без обязательств, и совсем другое — понять, как к ним прийти?

Сам Раймонд мне в этом вопросе не помог.

Стоило рабочим закончить с полом в доме, как лорд попрощался, запрыгнул в их телегу и укатил, устало привалившись к деревянному бортику. Хотя Тара сообщила ему, что нагрела ужин, и тот ждет в кухне. Но после ее слов Раймонд лишь быстрее засобирался.

С мужчинами уехала и помощница.

Я вышла их провожать и долго еще смотрела вслед, гадая, что сделала не так? В конце концов меня нашла Варя, принявшаяся жевать подол платья. Пришлось забыть о любовных терзаниях и вспомнить о бытовых нуждах. Накормив и заперев в загоне козу, я в гордом одиночестве съела остывший ужин и отправилась спать, запрещая себе любые мысли о «мордашке». Он ясно дал понять, что наше общение закончено.

Так я решила ночью. А утром вновь проснулась от его смеха под окнами.

Какое-то время я лежала в постели и продолжала прислушиваться. Показалось? Нет. Раймонд что-то обсуждал с рабочими. Снова. И смеялся. И вновь пришел, не спросив меня, нужно ли это. Признаться честно — я была ему рада, но показывать этого после вчерашнего побега не собиралась.

Одевалась в то утро особенно придирчиво, что осознала лишь после пяти примерных платьев. Все они были недостаточно хороши, чтобы подчеркнуть мои достоинства перед тем, кого я собиралась холодно игнорировать.

Шестое платье — белое в черный горошек — оказалось тем самым. Легкомысленное по расцветке, прекрасно обрисовывающее совершенства фигуры, но при этом достаточно длинное и закрытое. На голове я заплела замысловатую косу, после чего решила, что это слишком, распустила ее и, тщательно расчесавшись, спустилась.

Оставался пустяк — сохранять спокойствие и проявлять вежливую отстраненность, граничащую с холодным недовольством. Но все пошло не так с самого начала.

— Доброе утро, Аннабель, вы чудесно выглядите, — сказал мне Раймонд с таким восхищенным видом, будто я ему действительно нравилась.

Но почему тогда он сбежал?

— Благодарю, — ответила я, — не ждала вас сегодня.

— Мы же не закончили, как я мог не прийти? — ответил он, улыбнувшись.

— Не закончили? — переспросила я.

— Работу, — кивнул он. — Оставались мелкие недочеты, которые сегодня исправятся. И еще хотел уточнить, нет ли у вас наверху проблем? В спальнях, например?

Я вспомнила о словах Тары про скрипящую кровать и ощутила, как лицо заливают краска стыда. И ведь не помню когда в последний

раз краснела раньше! А перед этим лордом то и дело впадаю в состояние растерянности или смущения.

— Вверху порядок, — ответила я тихо.

— Да? — с явным сомнением уточнил Раймонд. — А Тара сказала, что у вас крыша протекает. В смысле, у вашего дома.

— Спасибо за это прекрасное уточнение, — усмехнулась я. — Но мне не нужна...

— Позвольте мне помочь, — перебил меня он. — Это успокоит мою совесть. Я ведь вел себя отвратительно и очень стараюсь загладить вину. Понимаю, вам надоело присутствие стольких посторонних в доме. И я, в частности. Но через несколько дней мне нужно будет возвращаться в столицу, и тогда вы выдохните с облегчением.

Я загрустила. Действительно, всего три дня оставалось до поезда. Так почему бы не позволить этому человеку, внесшему сумятицу в мою жизнь, помочь? Совсем скоро он уедет и забудет сюда дорогу. Ему выберут достойную невесту, которую он приведет в свой большой дом, и они заживут долго и счастливо.

— Хорошо, — ответила я, пожав плечами, — чините. Спасибо.

— Что-то не так? — Раймонд нахмурился. — Я снова вас чем-то обидел?

Обидел? Нет. Просто напомнил о том, как глупо даже думать о нем, как о мужчине, с которым возможно завести короткий роман.

— Мне нужно работать, — ответила я, улыбнувшись. — Сегодня ко мне записывали ребенка, и они вот-вот должны прийти. Извините.

— Конечно. — Раймонд отступил, провожая меня внимательным взглядом.

Малышку Софи привезли через четверть часа. Я как раз успела быстро позавтракать и выслушать Тару, требующую снова попытаться позвать Раймонда на ужин, а потом и наверх. Не зря же у меня в доме три спальни? Говорить, доказывать что-то и, тем более, шутить сегодня не хотелось. Так что, помощница, быстро уловив мое настроение, вскоре замолчала и принялась готовить обед. А я отправилась на осмотр ребенка.

— У нее уже третий день болит живот, — пожаловалась Эдна — мама шестилетней девчушки. — Я не понимаю, чем помочь. Мы были у лекаря, начали пить прописанные микстуры, но ничего не помогает.

— Сейчас посмотрим, — кивнула я и присела перед креслом, в котором разместилась Софи. — Итак, солнышко, покажи мне, где именно у тебя болит?

Разговор с ребенком и тщательный осмотр помог поставить один из самых частых диагнозов среди детей — малышка манипулировала родителями. Ей не хотелось ехать к бабушке, ведь там ужасно скучно. Родители смущенно извинялись за Софи, а та, в ответ на выговор от отца, быстро пообещала, что так больше никогда не будет. Я заметила два скрещенных пухлых пальчика, которые малышка в это время прятала за спиной. Точно так же делала моя младшая сестра — Тиана. Даже во взрослом возрасте...

Когда родители с маленькой пациенткой уехали, я отправилась в город, где посетила нескольких постоянных больных, отправила телеграммы сестрам и заскочила к тетушке, но той не оказалось дома. Вернувшись домой, я сразу вышла на задний двор и присела в старой деревянной беседке, которую сделал отец для мамы. Она любила сидеть здесь, вышивать или читать, и смотреть за нашими играми. Теперь эта беседка слегка покосилась от времени, и я с тоской подумала, насколько запустила вверенное наследство.

— Вот вы где. — Раймонд, как всегда, без спроса оказался рядом. — Какое чудное место. И вид отсюда замечательный.

Я вымученно улыбнулась лорду.

— Мне уйти? — тут же спросил он. — Вы хотели побыть в одиночестве?

Раньше хотела. Или убедила себя в этом. Но теперь, когда племянник леди Василианны появился в моей жизни, одиночество снова начало пугать.

— Оставайтесь, — сказала я. — Вы не мешаете. Как продвигаются работы по латанию моей крыши?

Он показал мизинец, обмотанный бинтом.

— Снова подставился, — сообщил, улыбнувшись и присев рядом. — Честно говоря, думал, что стану участвовать в ремонте и быстро освоюсь. Но пока я больше мешаю.

— Не говорите так, — покачала головой я. — Уверена, вы отлично справляетесь.

— Ну, вообще-то меня прогнали с ремонтных работ, — засмеялся он. — Это очень неловко признавать. Вернее, меня послали отдохнуть.

И просили не спешить возвращаться. Все же, парни помнят, кто им платит и не позволяют себе откровенничать про все мои промахи. Но видели бы вы, как они переглядываются.

Я тоже рассмеялась.

— Простите, — попросила, пожимая плечами, — хотела вас поддержать, но...

— Ничего, я тешу себя мыслью, что силен в другом, — отмахнулся он. — И пальцы целее будут. Я к ним привык, так что, пожалуй, попробую сохранить все десять. Ну а вы? Помогли той девочке? Видел, что в дом отец вносил ее на руках, а вышла она сама. Бежала вперед и огрызалась на ходу. У вас очень сильный дар, похоже.

— Кажется, пришло время уже моих неловких признаний, — ответила я. — Девочка только притворялась, что болела. Магия для лечения не понадобилась.

— Тара сказала, что ребенка до вас осматривал лекарь в городе, — припомнил Раймонд, — и выписал микстуры, которые не помогали. А вы быстро вывели маленькую интриганку на чистую воду. Это тоже магия своего рода.

Я покачала головой.

— Нет, правда, — продолжил Раймонд. — Я с ужасом думаю, что родители той девочки могли обратиться к Чаоморро. Вот кто пугает. Этот странный лекарь каждый день зачем-то приклеивает накладные усы и пропадает где-то целыми днями. Тетушка говорит, он гуляет на свежем воздухе и набирается сил. Вы его не видели?

— Нет. — Я задумалась. — Но места здесь действительно красивые, так что не удивительно, что ваш лекарь оценил это. Вам бы тоже стоило присмотреться.

— О, поверьте, я все успеваю замечать, — ответил Раймонд.

Я посмотрела на него и... заметила, как он подался вперед. Словно собирался поцеловать, но давал мне время сбежать. Я осталась на месте, но, когда его губы накрыли мои, растерянно замерла, прислушиваясь к собственным ощущениям. И мне нравились новые чувства. Вот только все прекратилось раньше, чем я успела «распробовать» их до конца или ответить.

— Простите, — попросил Раймонд, взволнованно глядя в мои глаза. — Можете дать мне пощечину. Нет, вы просто обязаны это сделать.

— А вы просто обязаны перестать давать такие глупые советы, — ответила я, не сводя с него глаз.

— Но мое поведение непозволительно.

— И все же, я позволяю.

Он поднялся, покачал головой и быстро направился прочь. Замер на пороге беседки, вернулся и встал напротив, сообщая невероятное:

— Вы не понимаете, что говорите. Но я осознаю, что снова позволяю себе недостойное поведение. И если бы у вас были отец или брат, они непременно пояснили бы мне это в мужской манере. Аннабель — вы чудо. Улыбчивая, спокойная, ответственная, красивая, понимающая... Чем больше я нахожусь рядом с вами, тем больше понимаю, что пропадаю. И, видимо, я слишком рьяно проявляю симпатию, если вычера даже ваша помощница, при всех, звала меня остаться на ужин с вами. Представляю, как это задело вашу гордость. Я очень виноват. И...

— Раймонд, перестаньте! — вмешалась я. — Судя по тому, что вы знаете об отсутствии у меня отца и братьев, знаете и историю моего дара?

— Да, — ответил он, продолжая хмуриться.

— Тогда вы понимаете, что я привязана к этому необычному городу. И к своему дому.

Подбирая слова тщательнейшим образом, я поднялась и прошлась по беседке. Наконец решившись говорить начистоту, посмотрела на Раймонда и призналась:

— Это не очень легко — стать основной обладательницей древнего дара. У меня ведь есть старшая сестра, и отец с детства готовил ее к принятию магии. Большая часть должна была достаться именно ей. Папа учил, наставлял и объяснял, как дорог семье дом. Ирэна знала, что однажды ей придется остаться здесь. Именно она должна была стать в будущем знающей. А я всегда мечтала учиться в столице и много путешествовать. Но вышло так, что родители погибли во время несчастного случая. Ирэна была с ними. Она выжила, но очень пострадала. Почти год ей приходилось учиться заново ходить, но даже теперь она слегка прихрамывает. А дар... он не выбирает слабых. Так вышло, что именно мне досталась основная часть магии. Сначала я не могла осознать в полной мере, что это значит, а потом...

Я сбилась. Вспомнила Оуэна и растерялась, не зная, как продолжить рассказ.

— У вас был жених из местных, — подсказал мне Раймонд.

— О, вы и это знаете? — удивилась я.

— Признаюсь, наводил справки, — кивнул он.

— Что ж... да, был жених. Но он уехал и давно обосновался в столице.

— Он не звал вас ехать с ним? — спросил Раймонд. — Простите, если это слишком личное, но...

— Он звал, — кивнула я, нервно расправляя складки на платье. — Писал мне, говорил очевидные вещи. Оуэн не хотел становиться заложником дома вместе со мной. Он предлагал уехать вместе.

— И, таким образом, лишитесь весь ваш род древнего дара, — понял Раймонд. — Нелегкий выбор. Но вы остались здесь.

— Осталась, — выдохнула я. — И смирилась с этой участью. И еще смирилась с тем, что не выйду замуж. Потому что поняла — никто из чужаков не захочет обрекать себя на жизнь в Глубинках ради меня, а местных я давно знаю и чувств не испытываю. Раньше город был намного больше, и людей здесь было немало. Мы славились на все королевство, ведь именно здесь нашли пристанище больше десяти семей с древней магией. Здесь наши дома, наша сила. Но за последние полвека все сильно изменилось. Теперь, если к нам приезжают за помощью из других городов, то, зачастую, потом начинают судиться за неправильные гадание, не такие артефакты, плохие портреты... Как и вы, обвиняют в шарлатанстве и требуют компенсации. О, не хмурьтесь еще сильнее, вам не пойдут морщины. Я сказала это лишь для того, чтобы вы понимали реалии нашего городка. И мои. Я не жду от вас никаких обещаний и, тем более, не хочу жертв ради меня. Но вы мне... тоже нравитесь. И я не вижу в этом ничего предосудительного. Как бы безнравственно это вам не казалось. Да, я помню, что через три дня вы уедете, но это не значит, что мы не можем позволить себе несколько поцелуев и прогулок. Разве нет?

Он молчал.

Глядя на меня, Раймонд думал о чем-то своем. Его глаза потемнели, руки отчего-то сжались в кулаки. И, когда я начала жалеть о своих откровениях, он наконец ответил:

— Нам действительно не мешает совместная прогулка в город. Скажем, завтра вечером.

— Да, — выдохнула я.

— У вас ведь есть приличные рестораны?

— Есть один, — кивнула я. — Хотите поужинать вместе?

— Если вы не против, — ответил он с мягкой улыбкой. — Только не представляю, как забронировать столик заехать за вами. У меня здесь нет транспорта.

— Пустые столики там есть всегда. И я зайду за вами сама. Доберусь через лес. А дальше пройдемся к ресторану — до него от домика вашей тетушки рукой подать.

— Зайдете сами, ну конечно, — вздохнул Раймонд. — Что ж... Пусть будет так. Тогда до вечера?

— Да, — подтвердила я, не понимая, чего во мне больше: радости или тревоги от нового задумчиво-злого взгляда Раймонда.

До отъезда Раймонда оставался один день.

И эта мысль постоянно тревожила, зудела, как укусы комара в очень неудобном месте. Я старалась не обращать внимание, забыть о грядущем событии, но то и дело снова думала о Раймонде, и о том, что вскоре должна буду сказать ему: «Прощай». При этом хотелось выглядеть спокойной, а не рыдать на его груди, напугав беднягу до колик.

Я не понимала, как успела привязаться к мужчине, которого по сути совсем не знала. Да, он обладал шикарной внешностью, и телосложение было полностью в моем вкусе. Но первые дни мы конфликтовали, и Раймонд вел себя отвратительно, проявив не самые лучшие черты характера. С другой стороны, теперь я понимала, что таким образом он защищал тетюшку, боясь, что бедняжка попала под влияние шарлатанов. Раймонд даже бросил дела в столице, чтобы отправиться на помощь к родственнице.

Другими словами, думать о нем плохо я не могла, хоть и пыталась. Любым поступкам Раймонда находилось оправдание, а воспоминания о нем заставляли улыбаться и спешить со сборами. Он пригласил меня на ужин, и я млела от предвкушения. И страдала от понимания, насколько близко расставание.

Уговаривать его остаться в наших Глубинках не стоило и пытаться. Одно то, что Раймонд вообще заехал сюда, казалось чудом. И я собиралась насладиться общением хотя бы в этот вечер.

За день мне довелось побывать у пяти пациентов, от которых я узнала, что племянника леди Василианны видели в местном музее, в отделении полисмагии и у мистера Гаерра. Почему Раймонд проявлял такую активность оставалось загадкой. Видимо, оставаться в доме было слишком скучно. Но вот наконец настал долгожданный вечер, и я, надев темно-синее платье и уложив волосы в замысловатый узел на затылке, отправилась за кавалером. Дорога через лес должна была занять каких-то десять минут. Я ходила по ней с детства и никогда, ни единого раза, не плутала. До сегодняшнего вечера.

Тропинка вела вперед и казалась привычной. Я шла, улыбалась, обдумывала, какие байки о городе расскажу Раймонду и мечтала, как он будет слушать и любоваться мной. Рядом с ним я словно оживала и снова хотела чувствовать себя красивой, желанной. Чтобы он восхищался, чтобы задержался еще ненадолго... Ведь поезд будет не только завтра!

Я наслаждалась предвкушением встречи до тех самых пор, пока не поняла, что в третий раз прохожу мимо покосившейся осины. И только тогда до меня дошло — лес отчего-то не дает выйти к нужному дому! Конечно, многие говорили об этих его проделках, но сама я воочию встречалась с этим впервые. Следующий час, а может и больше, пришлось провести в отчаянных попытках выйти в нужном месте. Увы, не случилось.

Наконец устав от суеты, я присела у одного из деревьев и, прикрыв глаза, постаралась прийти в себя. На свидание спешить было поздно. Я никогда не выходила из дома заранее, вот и сегодня четко рассчитала время встречи. В итоге Раймонд наверняка решил, что о нем забыли. Осознание этого расстраивало до слез. Также я не могла понять, за что лес обошелся со мной подобным образом? Что я сделала не так? В любом случае, мне оставалось лишь ждать. Лес не отпускал по просьбам, только по собственному желанию.

Не знаю, сколько просидела у дерева, но, услышав треск сухих веток, вскочила и обернулась. Ко мне шел Раймонд. Красивый, как всегда. Только взгляд серьезный, обеспокоенный.

— Аннабель? — Он приблизился и растерянно меня осмотрел. — Ты здесь? Я решил, может что-то случилось, пошел проверить. Но раз ты...

— Я заблудилась, — перебила его, бросившись вперед и замерев в шаге от Раймонда. — Представляешь? Никогда такого не было, но сегодня лес решил проверить мою выдержку. Ходила кругами, а потом... — Сбившись, я пожала плечами и показала на примятую траву у дерева.

— Значит, ужин отменен не по твоей воле? — понял он.

— Конечно нет.

— Хорошо. Вернее, мне жаль, что ты заблудилась здесь, но этот факт осознавать приятнее, чем решить, что ты передумала и даже записки не отправила.

Я улыбнулась, кивнула.

У Раймонда предательски заурчал желудок.

— Дома есть овощное рагу, — тут же вспомнила я. — И лепешки с сыром. Так что, если ты все еще не против поужинать со мной, и если лес нас выпустит...

— С удовольствием. — Он протянул мне руку. — Пойдем. Попробуем выйти вместе.

И у нас получилось. Не прошло пяти минут, как мы оказались у моего домика, а ведь с Раймондом я готова была плутать сколько угодно! Но лес сегодня играл со мной по новым только ему известным правилам.

У самого порога мой кавалер остановился, будто наткнулся на преграду.

— Что? — испуганно спросила я. — Передумал?

— Забыл букет, — признался Раймонд. — Все так нелепо.

— Ну, можешь нарвать букет во дворе, — в шутку ответила я. — Пока буду греть ужин.

— А это мысль! — обрадовался Раймонд. — Иди. Я скоро явлюсь во всей красе.

Я рассмеялась и скрылась в доме. Ситуация выглядела нелепой, но доставляла море радости. Улыбка не сходила с моего лица все то время, пока я грела еду, подкидывала дрова в печь и спешно накрывала на стол. потом я решила позвать Раймонда, подошла к окну и... онемела от открывшегося вида.

Раймонд молча бежал по дороге между лесом и лугом. Прямо под магическими фонарями, потому мне было прекрасно видно его лицо: сосредоточенное и злое. По пути он размахивал пушистым цветным веником. А сзади, истерично бляя, за ним мчалась Варя. Моя коза. Чтоб ее уже кто-нибудь украл, такую ценную!

— Отдай ей букет! — крикнула я, распахнув окно. — Брось в нее, и она отстанет!

— Ни за что! — отозвался Раймонд, бодро припрыгнув и красиво, витиевато так, выругавшись на ходу.

— Кинь в нее этот несчастный букет! — повторила я, с ужасом представляя, как Варя догонит Раймонда в самое мягкое место. Вот уж запомнятся ему тогда наши Глубинки до самой старости.

— Это... для... тебя!.. — Запыхавшись, ответил мой романтично настроенный кавалер. — Не отдам!

Он свернул к дому и скрылся из виду. Варя, блеснув горизонтальным зрачком в мою сторону, круто затормозила на вираже и рванула следом за добычей. Я, позабыв обо всем на свете, бросилась к двери. Успела открыть ее как раз к его появлению. И захлопнуть перед носом вошедшей в раж козы.

— Зачем?! — выпалила я первое, что пришло в голову.

— Это же... свидание, — едва дыша, прохрипел Раймонд. — Все должно быть по-человечески.

Еще немного постояв, упираясь в колени и дыша, как заядлый курильщик в свой последний день, он наконец выпрямился и торжественно вручил мне самый жуткий букет из всех, что я когда-либо видела. Единственная ромашка, не сломленная в схватке с Варей, пала именно в этот прекрасный момент. Красиво, медленно и печально она склонилась набок и осталось такой навсегда. Как и многие ее подруги по несчастью.

— Да, букет получился не очень... — расстроился Раймонд.

— Бе-е-е, — раздалось из-за двери.

Должно быть, так Варя подтвердила готовность сожрать павшие полевые цветы, чтобы они не пропали даром.

Щас! Пусть своего козла... в смысле, кавалера заводит!

— Они прекрасны, — солгала я, предельно осторожно принимая погибший храброй смертью букет.

Достав из тумбы старую вазу, налила туда воды и поставила цветы, отдавая им капельку живительной силы. Букет воспрял, распушился и даже начал немного благоухать.

— Ого! — удивился Раймонд. — Ты и такое можешь. Невероятно.

— На самом деле никогда раньше ничего подобного не делала, — призналась я, — но мне и букетов таких не дарили.

— Прости, — посетовал Раймонд. — Каждый раз, когда хочу произвести на тебя благоприятное впечатление, выходит... как минимум странно.

— Впечатляюще выходит, — усмехнулась я. — Мне нравится. Правда.

— Хорошо, — он улыбнулся, окончательно пленив мое внимание. — Тогда?..

— Ужинаем, — подсказала я, неожиданно ощутив неловкость от потемневшего взгляда Раймонда. — Ты ведь голоден.

— Невероятно голоден, — исправил меня он, мимолетно осмотрев мою фигуру, но тут же отворачиваясь и отодвигая стул для меня: — Прошу. Продолжим наше свидание.

Вечер прошел невероятно уютно.

Я рассказала Раймонду о себе, о сестрах и родителях. Он живо интересовался нашим городком и, оказывается, уже сам знал достаточно много. О том, что Глубинки преуспевали когда-то и славились великими магами на все королевство. И о том, что городок называли в честь моего славного предка, одного из Тёрнов, спасшего когда-то самого принца. Но это было очень давно, так что теперь казалось простой легендой. Сказкой, что рассказывала на ночь мама.

Раймонд оказался внимательным чутким слушателем, и я сама не заметила, как пожаловалась на тетку Марианну, вечно попадающую в беду со своими гаданиями, на старшую сестру, уехавшую на заработки в роли компаньонки дальней родственницы и переставшей писать, на младшую — ученицу школы благородных девиц, также дающую о себе знать слишком редко. На Варю жаловаться не пришлось — Раймонд понимал все и сам.

Он пробыл у меня допоздна, а уходя крепко обнял и сладко поцеловал. Мы не прощались словами: я не желала хорошей дороги и красивых невест в столице; он не говорил о том, будет ли вспоминать меня после отъезда. Никакого лукавства и натянутых улыбок.

Раймонд ушел через лес. Я провожала его взглядом, а потом долго смотрела в небо, разглядывая звезды и стараясь не разрыдаться. А еще вспоминала слова мамы: «Нужно уметь быть благодарным миру за все хорошее, даже если оно быстротечно». Мудро. Но как же больно...

Потом я вернулась в дом, убрала остатки ужина и легла в постель, в которой мне суждено было всегда засыпать одной. Там я все же дала волю слезам...

На следующий день я проснулась разбитая и встревоженная. Раймонд должен был уехать, и эта мысль не давала покоя. Пришлось несколько раз напомнить себе, что я — взрослая умная девушка, не склонная к излишней сентиментальности или истерикам. Честно сказать, уговоры не сильно помогли. Хотелось бежать через лес, ворваться в дом, арендованный леди Василианной, и, размазывая по щекам крупные слезы, уговаривать Раймонда остаться.

Но я держалась, цепляясь за силу воли и остатки здравого смысла.

Помощница по хозяйству также не помогала с преодолением трудностей: с самого утра она особенно недовольно гремела посудой и очень красноречиво молчала. А потом, когда я села завтракать, и вовсе выдала невероятное:

— Если бы оставила его ночевать, могла бы сказать, что ждешь ребенка! И все.

— Что «все»? — прищурившись, уточнила я.

— Он стал бы твоим, балда! — назидательно ответила Тара.

— Ты серьезно думаешь, что добиться расположения любимого мужчины шантажом — хорошая идея? — закипая, спросила я.

— Любимого?! — Из ее рук выпала поварешка. — Так ты еще и влюбилась! Когда только успела, горемычная?

Я открыла рот, чтобы продолжить праведно злиться, но, осознав услышанное, в ужасе умолкла.

— Это все от одиночества, — продолжала сокрушаться Тара. — Ты здорового мужика в доме сколько не видела? Вот и запала на первого встречного. Нет, он конечно, красивый. И богатый. И насмешить может в раз. Слушай, вообще-то я понимаю, почему ты влюбилась. К нам такие редко приезжают и вряд ли приедут снова. Жаль, что ты его упустила, Анни.

— Жаль, — шепотом повторила я и поднялась из-за стола, так и не съев ни ложки.

— Куда ты? — всполошилась Тара. — На тебе же лица нет.

— Прогуляюсь до тети Марианны, — ответила, осторожно убрал с плеча руку помощницы. — Не волнуйся, со мной все хорошо.

Она больше ничего не сказала, а я, взяв велосипед, поехала к тетушке, второй раз за последние годы страстно желая получить от нее предсказание. Мне было ужасно страшно самой предполагать, что ждет там, в будущем, потому я решила довериться ясновидящей. Если скажет плохое — можно решить, что ошиблась. А хорошее — жить станет легче. Наверное.

К тетушке добралась быстро. Поставив велосипед у ее дома, быстро вошла, и... замерла, увидев до боли знакомый яркий пиджак Раймонда. И, пока неверие расплзалось в душе, услышала его голос!

— Никуда не годится! Мистер Гаерр, так запускать дела — это преступление.

— Я старался, как мог, — ответил наш местный законник.

— Лучше бы вы ничего не делали, клянусь, было бы меньше вреда! — сердито ответил Раймонд.

— Вот именно! — встряла в разговор тетушка Марианна. — Я всегда говорила тоже самое. Но выбора то у нас нет... Мистер Гаерр — единственный, кто может помочь в случаях жалоб и исков...

— Уже нет! — категорично припечатал Раймонд. — Я со всем разберусь.

— Как это, «со всем» — уточнила тетушка.

— С каждой из жалоб, — ответил Раймонд. — И составлю новый типовой договор для оказания услуг приедем. Работать будете только через контору — это обязательное условие. Пропишу как следует права магов и обязанности просителей. Меня поражает столь вопиющая правовая безграмотность и уничижительное отношение к древнему дару!

— А ваш поезд? — напомнил мистер Гаерр. — Если хотите успеть на него...

— Будут еще поезда, — прервал его Раймонд.

— Но на работу с имеющимися жалобами и прочим уйдут не дни, а месяцы! — воскликнул мистер Гаерр.

— Да, придется знатно потрудиться, чтобы исправить ошибки ваших предшественников, и ваши! Я понимаю.

— Молодой человек, что вы себе позволяете? Я в профессии уже...

Раймонд снова не дослушал законника.

— Насколько понимаю, сейчас у вас еще семь подобных жалоб, — сказал он. — И все на местных стариков за их помощь просителям из столицы. Уму непостижимо! Они решили ввести это в практику, а вы в ус не дуете. Нет, так никуда не годится. Положитесь на меня, я все исправлю. Завтра же начнем прием в конторе мистера Гаерра, проведем ревизию всех прошлых дел и займемся проработкой новых материалов. А поезд... что ж, через неделю будет еще один — на нем действительно придется уехать, чтобы завершить дела в столице. Близких я уже предупредил, так что одной головной болью меньше.

— Вы предупредили? — удивилась тетушка Марианна. — Каким же образом?

— Тетушка отправила им телеграмму.

— Не жалеете вы родных! — воскликнула она.

В этот момент я сделала еще несколько шагов и встала в двери, так что увидела очень серьезного Раймонда с кипой бумаг в руках.

— Анни? — удивилась тетушка. — Ты чего так рано? Что-то случилось?

— Да, — ответила я, не сводя глаза с Раймонда и все еще пытаюсь осознать все, что только что случайно услышала.

— Что ж, мы наверное пойдем, — засуетился мистер Гаерр, принимаясь собирать с журнального столика оставшиеся бумаги. — У нас с милордом еще много...

— Доброе утро, — прервал его Раймонд, так же не сводящий с меня взгляда. — Как вам спалось, Анни?

— Ужасно, — призналась я.

— Я тоже почти не спал, — кивнул он. — Принял очень важное для себя решение. Единственно правильное. Хотите знать, какое?

— Хочу, — прошептала, едва шевеля губами.

— Я переезжаю в Терновые глубинки. Открою здесь свое дело. Как вы считаете, Анни, мне будут здесь рады?

— Конечно! — вмешался мистер Гаерр, но тетушка с силой дернула его за рукав и так громко шикнула, что даже я вздрогнула.

А Раймонд все смотрел в ожидании ответа.

— Я считаю, вы здесь жизненно необходимы, милорд, — сказала я, мягко улыбнувшись.

— Всем? — уточнил он, чуть склонив голову.

— И всем остальным тоже, — кивнула я.

Он не глядя протянул бумаги мистеру Гаерру и, шагнув ко мне, спросил:

— Как насчет прогулки? К своим новым обязанностям я планирую приступить завтра, а сегодня хотел бы насладиться вашим обществом, Анни. Если у вас нет важных дел.

— Предлагаю всем выпить успокаивающего чая, — снова вмешался неугомонный мистер Гаерр.

— Нет, — покачал головой Раймонд, — лучше всего для здоровья — прогулки на свежем воздухе. Как Анни и рекомендовала нам с тетушкой Василианной. Так что скажете?

— Я совершенно свободна, — ответила, протянув ему руку. — Куда хотите пойти?

— За вами — хоть на край зачарованного леса, — улыбнулся Раймонд, переплетая наши пальцы.

Эпилог

Раймонд

Через неделю я снова не уехал.

После пары дней уговоров, Аннабель согласилась, что помолвка не обязательно должна длиться месяцами. На предложение пожениться в эту пятницу, она ответила решительное «Да», так что подготовка к скромному торжеству шла полным ходом.

Как признала сама Анни, дом ненадолго отпустил главного в роду, а значит, после свадьбы, она могла поехать со мной и познакомиться с новыми родственниками. Так что в день прибытия поезда в Бурсурканы мы мирно спали. Вдвоем. В обнимку. Пока не услышали крики, способные поднять мертвого из могилы.

Вниз я не спустился — сбежал, на ходу запахивая длинный халат и готовясь отразить нападение на тетушку.

Однако на последних ступенях пришлось остановиться и даже сделать пару шагов назад — из-за тесноты окружающего пространства. В холле арендованного тетушкой дома было людно. Даже слишком. И если часть прибывших я знал довольно неплохо — все же благодаря им появился на свет — то двое мужчин и женщина — явно аристократы по внешнему виду — вызывали много вопросов.

— Сын! — возопила матушка, увидев меня и разрыдавшись в белый платок. — Ты жив!

— Я ведь говорил тебе, — сказал отец, пробегаясь по мне обеспокоенным взглядом и потирая грудь в области сердца. — Все с ним в порядке. Просто телеграмма так составлена...

— Очень хорошо! — вмешалась в диалог весьма красивая леди лет сорока с небольшим. Стрельнув в меня зловещим взглядом, отчего-то показавшимся смутно знакомым, она спросила: — Где моя обещанная дочь, мерзавец?!

— Кто мерзавец, я?! — Сделав шаг назад, едва не присел на ступени.

— Мы вам говорили, что наш сын не такой! — возмутилась мама. — Он бы никогда не сделал ничего, что может опорочить

девушку! У Раймонда идеальное воспитание, и он крайне уважительно относится к приличиям!

— Пусть Диара скажет это сама! — холодно произнес высокий мужчина с характерным ястребиным носом. — Где моя дочь?!

Дальше повисла немая сцена, во время которой все стали осматриваться в поисках неизвестной несчастной, связь с которой приписали мне. Разумеется, никого не нашли. Пока не случилось непоправимое...

— Раймонд! Ты жив?! — На лестнице показалась растрепанная Аннабель в моем плаще поверх сорочки. В руках она держала зонтичность, которым угрожающе размахивала, пока спускалась мне на выручку.

— Милая, остановись, — попросил я, загоразживая собой невесту и подавая знаки глазами.

— Ты ударился головой? — забеспокоилась она. — У тебя косоглазие, Раймонд!

Я закрыл лицо ладонью и с отчаянием застонал.

— О-о-о... — протянула моя матушка. — Как же это? Кто...

— Милая? — повторил мой отец, принимаясь осматривать-препарировать Аннабель.

Та испуганно ойкнула и плотнее укуталась в плащ. Над воротником виднелись лишь часть носа, большие карие глаза и воронье гнездо из волос. Прелесть моя...

— Доброе утро, Анни, — поприветствовала ее тетушка Василианна и добавила, стараясь сгладить конфуз: — Как хорошо, что ты все же заночевала у меня в доме, ведь вчера была ужасная погода.

— У нее до сих пор с собой зонт, — усмехнулся отец, — так испугалась, видимо, что на всякий случай...

— Дуглас! — рыкнула на него мама.

Папа хохотнул и развел руками, показывая, что не сказал ничего «такого».

— Но это не наша Диара. — Вперед вышел один из незнакомых мне мужчин — худощавый низкорослый, в толстых очках и очень-очень напоминающий одного известного мне доктора из столицы. — Где моя племянница, милорд Ирс? — Спокойно спросил он. — Нам известно, что она отбыла с вами больше двух недель назад. Сюда. Мы считаем, вы совратили ее и увезли, думая, что сможете скрыться!

Не отрицайте! Она отправила мне очень странную телеграмму, и мы прибыли спасать дитя!

— Не понимаю, о чем вы, — ответил я, чувствуя, как в халат сзади вцепилась Аннабель. Обернувшись к ней, я добавил: — Со мной не было никаких девушек, клянусь. Сюда я приехал один!

— С Чаоморро, — исправила меня леди Василианна.

— Ах, да, — припомнил я. Наплевав на приличия, обнял хмурую, испуганную невесту за плечи, прижал к себе и продолжил, стоя вполоборота к публике: — Со мной сюда приехал лекарь Чаоморро. Я думал, тетушка заболела и привез специалиста.

— Ложь! — выпалил худощавый мужчина.

— Да как вы смеете? — поразился я. — У меня море свидетелей. И он сам может подтвердить. Мои слова — чистая правда. Я никогда не лгу!

— И у вас идеальное воспитание, которое никогда не позволит опорочить девушку, — едко заметила мать пропавшей, бросив колкий взгляд на Анни. — Мы видим!

— Ну знаете! — Меня начало потряхивать от злости. — Вы ответите мне за каждое брошенное обвинение! Назвать меня лгуном — это...

— Я — мистер Чаоморро, — прервал меня низкий мужчина. — Могу показать документы. А вы увезли мою племянницу, переодетую в мужчину! Не притворяйтесь, что не знали этого.

Я захлопнул приоткрывшийся от таких новостей рот, чтобы не выглядеть нелепо. Осмотрел мужчину и пришел к выводу, что он действительно очень похож с тем лекарем, которого я привез из столицы. Разве что у этого усы оказались пышнее и фигура не настолько субтильная. Но тот тоже был мужчиной! Скорее всего... Надеюсь.

— Сын! — наконец разбавил густую тишину отец. — Что происходит?

— Простите, — вышла вперед тетушка Василианна, — могу я узнать, что было в телеграмме, которую прислала вам племянница?

— Разумеется. Она просила не волноваться и отправить в Терновые Глубинки дорогого рыжего козла особой породы, — с каменным выражением лица ответил высокий мужчина. — Сказала,

что животное — это благодарность милорду Ирсу за счастье, которое он ей подарил.

— Я?

— Вы!

— Анни, я не дарил никому счастья. Поверь. Может, речь о моем отце?

Мы все уставились на графа Дугласа Ирса. Он удивленно вскинул брови, затем погрозил мне пальцем и покачал головой:

— Мы с его матерью лишь три дня назад вернулись из путешествия, где все время были вместе. Так что, сын, за козла отвечай сам. И за причиненное некой особе счастье тоже. Ты уже большой, хватит меня вмешивать.

Папа усмехнулся, а я, устав от этого фарса, громко позвал:

— Чаоморро!!!

И она вышла к нам.

Она.

Девушка.

В руках у нее были плащ, мужская шляпа, очки и мерзкие усики. А на лице жалкое подобие раскаяния.

— Я рада видеть вас всех в добром здравии, — сказала девушка, глядя на своих родителей и дядю, а потом начала говорить быстро-быстро, так что еле удавалось уловить невероятный смысл ее слов: — Я все слышала, но набиралась смелости показаться вам на глаза. Простите! Как вы добрались? Мне жаль, что вы волновались из-за моего побега, но я не хотела выходить замуж по расчету. А потом местная ясновидящая нагадала мне счастье в этом городке, и я решила бежать! И когда приехала просить помощи у дяди Чаоморро, услышала в его приемной, как кто-то ищет лекаря, чтобы уехать с ним сюда. Это была судьба, понимаете? Я переделалась в дядины вещи и притворилась им. Да, это неправильно и поступок был очень рискованным, но все получилось! И здесь я встретила чудесного мужчину. Нет, не милорда Ирса. Моего мужа зовут Энниз, и он потомственный маг с удивительным даром. Я обязательно вас познакомлю сегодня на свадьбе милорда. Кстати, удалось найти козла нужной породы? Я очень хотела подарить его лорду Ирсу и мисс Аннабель. У них коза в стрессе, а любовь побеждает все. Вот я и подумала...

Девушка наконец затихла и испуганно посмотрела на нас. Анни нервно хихикнула, прижимаясь к моей груди, а леди Василианна справедливо заметила:

— Отличное, между прочим, решение. Если Варя не станет лучше при хорошем козле, то ей уже ничто не поможет. И я рада, что вы все приехали именно сейчас! Не зря я написала в телеграмме, что время на исходе и нужно спешить, если хотите успеть увидеть прежнего Раймонда. Ведь сегодня он женится на Анни и станет совсем другим — семейным человеком.

Все уставились на нас.

— Свадьба будет скромной, — зачем-то сказала Аннабель, испуганно глядя на моих родителей.

— Но запоминающейся, — заверила ее моя матушка, широко улыбнувшись и раскинув руки для приветственных объятий. — Идемте-ка все знакомиться. Только не забудьте что-то сделать с козлом. Он во дворе, объедает кусты малины...

Конец

Вам кажется, что все закончилось хорошо... Но в это время, в Дирритауне, мисс Тиана Терн с унынием сочиняла письма своим сёстрам. Ей предстояло сообщить пренеприятнейшее известие.

Только это совсем другая история...

Продолжение про сестер Тёрн следует...